

**ЗАБЛУДШИЕ
ДУШИ**

АЛЕКС МАРКМАН

Алекс Маркман
Заблудшие души (сборник)

«Автор»

2016

Маркман А.

Заблудшие души (сборник) / А. Маркман — «Автор», 2016

ISBN 978-1-926720-30-2

«Заблудшие души» – это собрание пяти новелл, в которых героям приходится принимать решения в жестоких условиях враждебной среды, где мораль, чувства и желания сталкиваются в неразрешимом конфликте. Действие происходит на фоне северной экзотики России и в горячих местах Израиля.

ISBN 978-1-926720-30-2

© Маркман А., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Отзывы о книге «Заблудшие души»	6
Исповедь нераскаявшегося	7
Рива	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алекс Маркман

Заблудшие души

© Алекс Маркман, 2016

Отзывы о книге «Заблудшие души»

Еженедельник «Эхо», выходящий на русском языке в Израиле. «Искупление греха».

«Рассказы, вошедшие в сборник Алекса Маркмана «Заблудшие души», написаны умелой и опытной рукой. Греховность человеческой природы волнует автора, и в рассказах он изыскивает возможности спасения души своих героев.»

* * *

Газета «Вести», выходящая на русском языке в Израиле. «Любовь на фоне таежного пейзажа».

«При нынешнем засилье романов, сериалов, эпопей обнаружить хороший рассказ – обеспечить себе прекрасное настроение надолго. А уж книгу рассказов – такое можно считать истинной удачей. Тем более, если эти рассказы действительно заслуживают внимания. К таким редким удачам можно отнести предлагаемую вашему вниманию книгу А. Маркмана.»

* * *

Газета «Карусель», выходящая в Торонто на русском языке. «В кругу чтения».

«...рассказ о высокой любви заматерелого преступника просто заставил меня забыть о времени. Ему [автору] удалось напечатать книгу своих рассказов, назвал он ее «Заблудшие души», включив туда и историю о жизни эмиграции в Израиле. Историю о трагической любви, написанную так же сильно, как и его другие рассказы.»

*Чем глубже бездна отчаяния, в которую погружается человек,
тем яростнее вопль его души, жаждущей счастья.*

Стефан Цвейг

Исповедь нераскаявшегося

В это теплое, ласковое утро уходящего бабьего лета нищий, сидевший на тротуаре напротив продуктового магазина перед шапкой для подающих, никак не ожидал, что окажется в центре событий, взволновавших весь наш город. В такой день люди обычно становятся добрее и снисходительнее, и нищий, в ожидании щедрот, кланялся всем, как подающим, так и просто проходящим мимо, крестился когда падали монетки и говорил заученную фразу: «Дай тебе Бог счастья». Он очень удивился, когда увидел перед собой хорошо отглаженные черные брюки и не сочетающиеся с ними коричневые старые ботинки. Кто мог задержаться около него? Обычно те, что бросают милостыню, не останавливаются ни на секунду. Нищий поднял голову и увидел лицо человека лет тридцати пяти, с темной, аккуратно подстриженной бородой и усами, и свисающей на лоб челкой густых волос.

– Ты в церковь ходишь, старик? – спросил он нищего.

– Хожу, – ответил нищий.

– Помолись за мою душу в церкви, – сказал человек с бородой и бросил ему в шапку пять рублей. Нищий вздрогнул от неожиданности и почувствовал какой-то непонятный страх. Таких денег ему не собрать и за целый день!

– Помолюсь, – пообещал он, схватил деньги и спрятал в карман. – А кто ты, добрый человек? Как тебя зовут? – Добрый человек, стоявший перед ним, часто оглядывался назад, бросая взгляды в сторону магазина.

– Это тебе знать не обязательно, – сказал он.

– А какой грех ты совершил, чтобы за тебя молится? – спросил нищий.

– Убийство, – хладнокровно сказал добрый человек.

– Убийство? – испуганно переспросил нищий. – Когда?

– Сейчас совершу, – все так же хладнокровно произнес добрый человек. Нищий в ужасе перекрестился, и уж совсем стал терять рассудок когда человек, стоявший перед ним, вдруг снял бороду, усы и густую шевелюру и положил парики в карман. Перед нищим очутился наголо стриженный молодой парень лет двадцати пяти с худым, изможденным и очень злым лицом.

– Запомни меня и помолись за грешника, – сказал он. – Больше никому помолиться. – Он резко повернулся и сделал несколько быстрых шагов в сторону магазина, из которого вышел мужчина с очень грубым лицом, обе щеки которого были обезображены толстыми шрамами. Увидев стриженного парня он застыл, как изваяние, вытаращив глаза от удивления.

– Узнал меня? – спросил добрый человек, и тот, что со шрамами, судорожно дернулся, но было поздно. Добрый человек вытащил из под полы пиджака длинный и твердый столовый нож с рукояткой, обмотанной в тряпку, и воткнул его в пах человеку со шрамами. Раненый издал раздирающий душу вопль, заставивший прохожих застыть от ужаса. Так может кричать только смертельно раненный. Очевидно, организм чувствует, когда приходит конец и нет пути назад в страну живых. Как потом выяснилось, нож попал прямо в большую артерию, а кровь оттуда хлещет под таким напором, что вся выливается в течение двух-трех минут. Убийца хорошо знал, что делал. Раненый упал на асфальт, страдальчески визжа и зажимая пах руками и ногами. Убийца воткнул ему нож в грудь, не заботясь, куда, и оставил в теле. Он положил в карман тряпку, в которую была замотана рукоятка, и быстро, но без нервозности, зашагал прочь. Какая-то женщина выскочила из магазина и, указывая рукой в сторону уходящего убийцы, завизжала, как безумная – Держите его! Держите же! Это уголовник! Я его знаю! Это мой сосед! – Ее лицо, опухшее от пьянства, тряслось и кривилось, как у юродивой. Никто не послушал ее: кому охота задерживать человека, способного убивать на глазах всего честного народа? Но вот из магазина выскочили двое здоровых парней.

– Где он? – торопливо закричал один из них. – Как он выглядит?

– Стриженный такой, наголо! – продолжала кричать женщина. – Худой. Вон туда пошел. Бегите же! Парни побежали в указанном направлении, но вскоре вернулись ни с чем. К их возвращению люди уже успели вызвать скорую помощь и милицию, которые приехали сравнительно быстро, но виновного не нашли ни в этот день, ни после, а пострадавший умер еще тогда, когда его клали на носилки. Вся эта история подробно описывалась в наших местных газетах, и вызвала много толков и догадок, а до конца никто в этих событиях разобраться так и не смог. Дело усложнялось тем, что подозреваемый – а его легко опознала соседка, которая случайно оказалась поблизости – в это время сидел в тюрьме за другое преступление.

Следователь пригласил женщину и нищего опознать преступника. Удивительно, что больше никого, кто бы толком разглядел обвиняемого, не оказалось. На очной ставке как женщина, так и нищий, пришли в необычайное волнение. Нищий указывал на молодого человека пальцем и бубнил, с дрожью в голосе: «Это он, это он. Он просил за него помолиться в церкви, убивец такой».

Оба свидетеля говорили какую-то несурезицу. Женщина в то страшное утро была с тяжелого похмелья и несла такую противоречивую чепуху, что следователь ничего не стал записывать. Нищий тоже был не лучшим свидетелем. Он утверждал, что к нему подошел человек с бородой, а убил он, когда был побрит и стриженный наголо. Как это изменение произошло, нищий не помнил. Дело прекратили, что и неудивительно. Ведь у парня, которого опознали, было полное и неоспоримое алиби: он в это время сидел в тюрьме по обвинению в другом преступлении. Это, однако, не спасло его от расстрела. Его приговорили к высшей мере наказания за убийство двоих людей во время вооруженного ограбления. Бандит вошел в дом, где хранились деньги, которые прихожане собирали на строительство новой церкви, убил двух человек, одного за другим, и исчез с деньгами. Найти его удалось совершенно случайно. Он был арестован по какому-то пустяку, а потом сверили его отпечатки пальцев с теми, что были оставлены на месте преступления, и обнаружили полное совпадение. Как утверждали газеты, приговор вскоре был приведен в исполнение.

Вся эта история была вскоре забыта: новые события ворвались в жизнь, появились новые заботы и потрясения, которые стирают память, хранящую прошлое, чтобы записать новое, которое вскоре так же канет в лету. Но вот, много лет спустя, случай напомнил мне об этих событиях, и дал возможность узнать много больше о тех, кто был причастен к этой драме.

Как то раз, находясь по каким-то делам в Москве, я встретил на улице моего друга детских и юношеских лет. Это был разбитной, веселый парень, гуляка и одаренный художник. Мы давно не виделись и потому почти кинулись друг другу в объятия, случайно столкнувшись в Столешниковом переулке.

– Эдик! – удивленно закричал я. – Ты ли это? Боже мой, как растолстел! Виноват, виноват, не так уж растолстел. Конечно же я тоже рад тебя видеть. Ну, ясно, давай соберемся сегодня вечером по этому поводу. Конечно, я найду время ради такой встречи, тут уж не может быть никаких разговоров. Да, выпьем разумеется. – Эдик куда-то сильно торопился, да и я спешил по делам. Он небрежно написал мне адрес на клочке бумаги.

– Я здесь остановился у одного моего друга, – пояснил Эдик. – Он очень хороший человек, ты можешь чувствовать себя там, как дома. – Он сказал, что будет ждать меня с нетерпением сегодня вечером, и на том мы разошлись.

Когда то я считал, что Эдик, мой одаренный друг, выбрал себе неправильную профессию. С юношеских лет он мечтал разбогатеть: но ведь это же смех надеяться на это, будучи настоящим талантливым художником. Я часто приводил ему в пример Ван Гога, который был одним из самых ярких художников в истории человечества, а продал за всю жизнь только одну картину, да и то по дешевке.

– Хотел ли бы ты войти в историю, как Ван Гог? – спросил я его однажды. – На это он мне возразил, что он не настолько талантлив, и потому у него гораздо больше шансов на финансовый успех. Эдик не хотел творить на потребу коммунистов, но когда денег не стало хватать не только на хлеб, но и на воду, он решил, как он выразился, продать душу дьяволу. И не удивительно: его коллеги с меньшими амбициями зарабатывали неплохо, рисуя портреты Ленина. Они называли этот вид искусства «рисовать Фомича». Один художник даже договорился на оплату в зависимости от площади картины, если она делалась для украшения больших зданий во время демонстраций.

– Так что-ж, – решил однажды Эдик, – можно временно заняться и этим. – Заказов на плакаты в тот момент не было, но друзья свели его с начальником отдела кадров какого-то завода, готовящегося к заводскому юбилею. Кадровик был бывший военный. Его воображение не улетало за пределы солдатских будней, и он попросил нарисовать Ленина на танке, произносящим свою знаменитую речь по приезду в Россию из эмиграции. Кадровик, однако, посоветовал внести что-нибудь новое в этот сюжет, и Эдик это новое внес. Он нарисовал Ленина стоящим на военной машине, выглядевшей чем-то между Т-34 и «Центурион». Ленин был, конечно, в кепке, и странно размахивал рукой. Начальник отдела кадров вначале сомлел, увидев это произведение. Он разгневался, разнервничался, но вскоре успокоился и попросил переместить Ленина на более архаическую машину, что Эдик и сделал, предварительно ознакомившись с видом бронемашин начала девятнадцатого века. Начальнику перемена техники понравилась, но он обнаружил, что у Ленина слишком широко открыт рот.

– В конце концов, – заметил кадровик, – Ленин был интеллигентный человек. Не мог он орать, как базарная торговка.

Эдик унес злополучную картину на переделку, пропил весь аванс и закрыл Ленину рот. Кадровик, увидев перемену, удивился: какая может быть речь, если рот закрыт? Нужно его немного открыть. Да и взгляд у него какой-то ехидный, сощурился, как чучмек. Эдик попросил еще немного денег вперед и в порыве пьяного расстройств выбросил картину на помойку. На этом его этап коммунистического творчества закончился и он уже совсем было приготовился к голодной смерти, как вдруг случай круто изменил всю его жизнь. Один из художников пригласил его помочь расписывать церковь. Эдик с удовольствием согласился. Он быстро освоил технику, увлекся работой, и вскоре стал нарасхват. Он ездил по всей России и практически не появлялся в нашем городе. Я давно уже потерял его след и редко о нем вспоминал. И вот, такая встреча!

Вечером я пришел по указанному адресу и застал Эдика уже изрядно подвыпившим и веселым.

– Проходи, проходи, друг ситный, – громко заговорил он, не то обнимая, не то подталкивая меня в спину. – Сейчас я тебя кое с кем познакомлю тут, тебе может интересно будет.

Я очутился в просторной комнате, очень хорошо обставленной, посреди которой стоял стол, загроможденный едой и бутылками. За столом сидел человек с аккуратно подстриженной бородой, седой и заметно полысевший. Он приветливо и спокойно улыбался, и хоть был навеселе, но вполне владел собой, поднялся ко мне навстречу, и представился, уверенно протягивая руку: «Арсений Тимофеевич». – Это было чересчур формально: друзья Эдика обычно называли друг друга просто по уменьшительным именам, как в детстве, даже если им было за пятьдесят; Юрка, Генка, Петька. Мне это не нравилось, особенно после того, как я закончил институт и попал в среду, где панибратство считалось дурным тоном. Но что поделаешь? Божему не переделать, ее нужно принимать такой, какая она есть.

– А это – Гришка, – представил меня Эдик, не дав мне возможности сделать это самому. – Мой друг детства, – пояснил он, как будто этот простой факт оправдывал переход к его обычной манере. – Его мать, – продолжал он, – всегда меня кормила, когда я приходил в гости. Это единственное, что спасало меня от голодной смерти. Я иногда ел по полтора часа, не оста-

навливаясь. Эта добрая женщина всегда удивлялась, как это может столько войти в одного человека. Ее неосведомленность легко объяснима: я был единственный художник, которого она знала лично. Бьюсь об заклад, что Гоген и Моне тоже много ели в период становления их творчества, если, конечно, выпадал случай.

– Ты не меняешься Эдик, – заметил я. – И, как я вижу, содержание алкоголя в твоей крови не меняется с тех пор, как тебе исполнилось шестнадцать лет.

– Гришка говорит витиевато, – пояснил Эдик, обращаясь к Арсению Тимофеевичу. – Он ведь журналист и писатель, а у писателей это нормально, как и у вас, церковников. – Я украдкой кинул взгляд на Арсения Тимофеевича, пытаюсь разглядеть в нем приметы служителя культа.

– Не пытайся так просто определить в нем батюшку, – предупредил меня Эдик, разливая старку в красивые хрустальные рюмки. И как это он заметил мое любопытство, пьянь такая?

– Вы – служитель церкви? – спросил я, как бы между прочим.

– В некотором роде, – ответил Арсений Тимофеевич. – Я занимаюсь только административными делами, хоть и заканчивал духовную семинарию в Загорске. Давненько это было. Мне порекомендовали Эдуарда как художника, чтобы расписать новую церковь. Его и пригласил к себе, чтобы договориться.

– Представляешь, – вмешался в разговор Эдик, – церковь то находится в нашем городе! Скоро туда поеду, работа там надолго. Часто будем видеться, во погуляем! – Перспектива участвовать в его беспрерывных гулянках меня не очень радовала, и я неопределенно хмыкнул.

– Арсений – славный мужик, – не прекращал свою болтовню Эдик. – Я подозреваю, что он атеист. И пьет, как пьют только художники и музыканты. Тебе, как человеку склонному к письму, будет интересно с ним поговорить. Помнишь случай, когда убили несколько человек в семье, собиравшей деньги на новую церковь? Так вот, собрали таки деньги на нее в течение многих лет, и сейчас, наконец, построили. Мне ее и расписывать. Давай, Арсений, еще по одной с нами. – Мы снова выпили и, как водится на Руси, стали сразу приятелями, готовыми целый вечер говорить по душам и поведать друг другу самые сокровенные тайны и печали своей души.

– Я помню, страшные события были связаны со сбором денег на эту церковь, – сказал я, обращаясь к Арсению Тимофеевичу. – Все газеты об этом писали. Так, вроде бы, денег и не нашли. Хотя убийцу все-таки поймали и судили, как я помню. Какой отвратительной тварью надо быть, чтобы грабить деньги, предназначенные для церкви! Этот негодяй вполне заслужил расстрел.

Арсений Тимофеевич вдруг нахмурился и потянулся к бутылке. Тут мне показалось, что я сделал не деликатное замечание и заставил себя немного протрезветь.

– Не судите, да не судимы будете, – ответил на мое замечание Арсений Тимофеевич, что меня очень удивило. Я ожидал что угодно, только не такое оголтелое всепрощение.

– Потому что часто нам не дано знать то всего для того, чтобы судить, – добавил он, и эти слова сильно подстегнули мое любопытство. Тут Эдик поменял тему разговора, перейдя к обсуждению мирских дел и воспоминаний юности, а потом так опьянел, что соскользнул со стула и отправился спать во свояси.

– Неужели вы готовы простить такого преступника, как тот, что убил семью из-за церковных денег? – спросил я Арсения Тимофеевича, предполагая, что уровень его опьянения позволяет начать более откровенный разговор. Арсений Тимофеевич внимательно на меня посмотрел, как будто хотел спросить: А твое какое дело? Но вместо этого он задал другой вопрос – В вас говорит любопытство писателя или просто обывателя?

– Я не верю, что существует особое любопытство писателя, – ответил я. – По моему, очень трудно составить связную историю из конкретных событий. Слишком много нужно совпадений, чтобы в них был какой-то философский смысл и последовательность. Наверное, такое любопытство существует у тех, кто хочет что-нибудь написать, но не знает что, а поскольку

воображения на выдумку не хватает, писатель пытается найти сюжет в жизни. Кстати, у некоторых это неплохо получается, я имею в виду, их произведения интересно читать, но это, как правило, не художественное произведение. Так что у меня, Арсений Тимофеевич, любопытство обывателя.

– Вы ошибаетесь, Григорий, насчет сюжета, составленного из конкретных событий, – сказал Арсений Тимофеевич задумчиво. – Если бы вы присутствовали на исповедях, вы бы такое услышали, что никакая фантазия художника не в силах придумать. И вы бы обнаружили, что во многих конкретных событиях есть, как вы говорите, цепь случайностей и философский смысл.

– Почему же тогда нет ни одного священника, который бы написал хорошую новеллу? – спросил я. Почему священники не наводняют литературу своими рассказами?

– Писать – это мирское дело, – уклончиво ответил Арсений Тимофеевич. – Каждый делает свое. – Он помолчал несколько секунд, как будто собираясь с мыслями, а потом сказал – Кстати, я знал одного, который отошел от церкви и действительно записал несколько историй. Но он ничего не опубликовал, и его уже нет в живых.

– И где же его рукописи хранятся? – полюбопытствовал я.

– У меня, – равнодушным тоном ответил Арсений Тимофеевич. Я от волнения встал и, спохватившись, подошел к плите, делая вид, что хочу согреть воду для чая.

– Интересно бы почитать, – сказал я, не оборачиваясь и пытаясь говорить с таким же равнодушием, как и Арсений Тимофеевич.

– Этот батюшка был интересный человек, – сказал Арсений Тимофеевич, делая вид, что не расслышал мою просьбу. – Ему бы мирскими делами заниматься, не церковными. Но не он первый, и не он последний, что избрал жизненный путь, не имеющий ничего общего ни с его наклонностями, ни с его способностями.

– А как ваши замечания относятся к событиям, связанным с постройкой церкви? – осмелился спросить я. К моему удивлению Арсений Тимофеевич не стал уклоняться от обсуждения этой темы.

– Так вот, этот батюшка встречался с обвиняемым, о котором вы говорили, после приговора, – неожиданно сказал он. – Приговоренный к смерти попросил позвать священника для исповеди, вот его и пригласили. Так что у обреченного на смерть был с батюшкой долгий разговор. – Арсений Тимофеевич замолчал, как будто не решаясь продолжать.

– Вас, наверное, связывает обязательство «тайны исповеди»? – спросил я, решив что молчание слишком затянулось.

– Нет, – отозвался Арсений Тимофеевич. – Исповеди в буквальном смысле и не было. Когда он пришел, приговоренный к смерти так и сказал – Это, батюшка, не исповедь. Можете все это рассказать после моей смерти, пусть так лет десять пройдет, когда это никого не затронет. – Он и позвал его потому, что хотел чтобы кое-кто узнал правду. У него не было ни родных, ни друзей, да и не мог он ни с кем встретиться. И батюшка обещал временно никому не говорить, а в результате взял на себя большой грех. Очень он после сокрушался, даже заболел. Через несколько лет он отошел, как я уже говорил, от церковных дел, а потом передал мне свои рукописи незадолго до смерти.

– И вы можете его рукописи показать? – спросил я. – В любом случае, это наверное интересная история. – Арсений Тимофеевич вздохнул.

– Могу и показать, – сказал он без энтузиазма. – Только с одним условием: вы прочтете ее здесь, у меня. А если будете об этом писать, измените имена. Хотя сейчас, после бурных событий в стране, никто не станет возвращаться к столь далекому прошлому. Может, это и хорошо.

– Итак..., – нетерпеливо сказал я.

– И так... – повторил Арсений Тимофеевич. – Вы можете занять диван в той комнате, где расположился Эдуард. Я вам сейчас эту рукопись туда принесу.

Он принес мне толстую тетрадь, исписанную аккуратным почерком. Записи, очевидно, делались в те времена, когда не было компьютеров, и даже пишущие машинки были в дефиците. Арсений Тимофеевич пожелал мне спокойной ночи, я включил лампу, стоящую на журнальном столике, и принялся читать.

* * *

Приходит в нашу церквушку человек и просит позвать меня. Стоит такой, знаете, строгий, грудь колесом, и говорит – Я из тюрьмы. Преступник, приговоренный к смерти, просит кого-нибудь прийти на исповедь. Не согласитесь ли? – Я очень удивился. У нас не было случая, чтобы убийца раскаялся и попросил священника. Значит, сохранилось в нем что-то человеческое. Я сказал – Конечно согласен. Почему нет?

– Это тот, который ограбил церковные деньги и убил двоих. Ваши деньги, как я понимаю, – сказал посланец.

Это в самом деле были наши деньги на новый приход, наша церковь уж очень была маленькой и старой. Я секунду помедлил с ответом, не потому, что хотел отказаться, а от неожиданности.

– Согласен, конечно, – подтвердил я. – Когда можно прийти?

– Завтра в полдень. Мы заедем за вами.

И вот так я встретил его, на следующий день, как и договорились. Меня привезли в тюрьму и повели по тихому темному и вонючему коридору, где располагались камеры смертников. Пахло там кислой прогнившей капустой, дешевым табаком, нечистотами и еще чем то, трудно было разобрать. Охранник сказал, что будет все время поблизости, на всякий случай, и попросил постучать в дверь, если будет опасность. Я возразил, что лучше не надо, не может делать глупостей раскаявшийся грешник, который готовится покинуть этот мир.

– Тогда постучите в дверь, когда исповедь закончится, – попросил охранник. – Я вам открою.

Охранник открыл тяжелую металлическую дверь, за ней другую, сделанную из стальных прутьев, я шагнул вперед и оказался в камере, слабо освещенной одной тусклой лампочкой. Маленькое окно было закрыто снаружи стальными козырьками, сквозь которые просачивалось очень мало света. На кровати сидел стриженный молодой человек, но на лице его не было уныния. Он очень обрадовался моему приходу, встал навстречу, протянул мне руку и пригласил сесть.

– Прежде чем я вам все расскажу, – заговорил заключенный, – я прошу вас дать слово, что вы никому не расскажете то, что я вам скажу, пока меня не расстреляют, а после – можете рассказать только одному человеку – моей невесте, можно сказать – жене. А лет так через десять можете рассказать кому угодно. – Я ему ответил на это – Разумеется, я обязан хранить тайну исповеди, что бы ни было сказано. – А он мне говорит – Я не собираюсь исповедоваться. И не собираюсь просить отпустить мне грехи. Я в Бога то стал верить только здесь, в тюрьме. – Я очень удивился, и спросил его – Зачем же вы меня пригласили?

– Потому что мне некому больше рассказать, что произошло. Нет у меня ни родных, ни друзей, да и не допустят ко мне никого. Так вы дадите слово, что никому до моей смерти не расскажете то, что я вам расскажу? – И я согласился. Мне и в голову не могло прийти, в какую западню я попаду. Я ведь думал, что перед смертью человек хочет покаяться и предстать перед господом со спасенной душой, что же тут плохого?

Мы сидели рядом на жесткой тюремной кровати и заключенный стал говорить, тихо и вначале без особого чувства, все что наболело на его душе. Я терпеливо слушал и не перебивал, не задавал вопросов и не наставлял на путь истинный.

* * *

– Вся эта катавасия, батюшка, началась с того, что я пригласил Милу прогуляться вечером и сходить в кино. Мила – это девушка, с которой я часто встречался в обеденный перерыв в заводской столовой. Уж давно все заметили, что я в нее влюблен, и слегка посмеивались надо мной, да и она догадывалась, что происходит. А я все не решался ее пригласить, боялся, что откажет, ведь я все же был рабочий, хоть и учился в вечернем техникуме, а она из конструкторского бюро, и хорошенькая такая, на нее многие засматривались. Ей было двадцать лет, не замужем, скромная, всегда мне улыбалась, ну я и решился. Как-то в пятницу я ей предложил – Давай, Мила, погуляем сегодня, если у тебя есть время. Такая хорошая погода. – А был июнь, занятия в техникуме закончились, торопиться было некуда. Она сильно смутилась, сказала, что не может, и вообще нам не нужно встречаться. Я, конечно, расстроился, но не удивился. Я ведь ожидал это. Зачем я ей, такой неприметный? Рядом никого не было, мы были вдвоем за столом, и я уже было хотел уйти, как вдруг, она погладила меня по руке и сказала – Не сердись. Я когда-нибудь тебе все расскажу. – У меня сердце так застучало, я почувствовал ласку в ее словах, в ее руке, и смотрела она на меня так, как будто жалела, что не может со мной встретиться. А потом погладила еще раз по руке, встала и ушла.

В этот день я не мог работать. Со мной вдруг что-то произошло. Все валилось из рук, но настроение не было плохое, наоборот, мне плясать хотелось, и петь, хоть ни того, ни другого я не умею делать. Я ушел пораньше с работы и стал ждать Милу у проходной. Увидев меня, она улыбнулась, ничуть не удивившись, и пошла рядом, как будто так и надо. Мы направились к центру города, на расстоянии друг от друга, я не решался взять ее за руку, робел, я ведь до нее только с девушками из работяг встречался, а с ними все проще: купил бутылку водки, и в постель ее можно, а назавтра даже и не здоровается.

Мила ни словом не обмолвилась о своем обещании рассказать, почему не может со мной встречаться. Так мы бродили до темноты, было весело и легко, и я подумал, что она просто постеснялась сразу согласиться на встречу, может она хотела, чтобы я ее уговаривал, а то ведь так не очень хорошо, что девушка сразу же соглашается на свидание. Она попросила – Расскажи, Андрей, о себе. Я мало что о тебе знаю. – Я ей рассказал про мое детство.

– Моя мать смолоду болела и не могла работать. Отец работал сборщиком на заводе, очень уставал, и уже в восемь часов вечера ложился спать. Так что я рано пошел на работу, а учебу пришлось заканчивать в вечерней школе, а там что за образование?

Мы шли по одной из центральных улиц, а сзади нас шла гурьба парней, видать, какие то блатяги, они шумели и матерились, но я ведь не из трусливых, с детства жил в самом плохом районе, в бараках еще со времен войны. Мила, оглядываясь боязливо, схватила меня за руку, а я так этому обрадовался что не смел какое неловкое движение сделать; вдруг отпустит?

– Не обращай внимания, – я ей говорю, – на эту шушеру. А ты училась где-нибудь?

– Я техникум закончила. Сейчас работаю чертежником. Мне очень нравится. Моя работа... – Тут она осеклась, эта блатная компания поравнялась с нами, а Мила смотрит в другую сторону и жмет ко мне. Я не понял, чего она боится, и стал рассказывать о себе.

– Я сейчас учусь в вечернем техникуме. Я любую работу стараюсь делать хорошо. В армии меня взяли в автозвод машины чинить, так я там работал дни и ночи. Когда стараешься делать работу хорошо, ни на что другое времени не хватает. – Я еще ей говорил что много читаю, перечитал многих русских писателей, что друзей у меня нет, потому что очень занят. Я пока

еще на должности рабочего, хотя давно мог бы стать техником. Так удобнее, больше времени на учебу, меньше ответственности.

Тут я заметил, что она меня почти не слушает. Она еще крепче вцепилась мне в руку, я оглянулся и увидел, что эта шумная компания смотрит на нас недобро, и хохочет во все горло. Вдруг один из них перепрыгнул невысокий забор газона, наклонился, как будто пытаясь кого-то поймать, и вернулся, держа кошку за хвост. Кошка дергалась, жалобно мяукала, а этот падука покрутил ею в воздухе, как веревку, да как треснет головой об асфальт. Кошка завизжала, парни стали громче хохотать, а этот стал стегать кошкой об асфальт, кошка орала, просто жуть, а потом замолкла, а этот все шел рядом с нами, и бил кошку об асфальт, да стук такой был неприятный, и смотрел на меня и на Милу, и ржал, как конь. Мила все крепче сжимала мою руку и смотрела в другую сторону. Я ей говорю – Пусти, я ему двину по роже. Я на помойке вырос, мне драться не впервой. А она так боязливо зашептала – уйдем отсюда, они тебя зарезать могут. Уйдем к набережной, я тебе все объясню.

Мы свернули на первом же перекрестке, а компания блатная прошла дальше, кто-то из них что-то крикнул нам вдогонку, но Мила стала подталкивать меня, а когда компания скрылась из глаз, мы выбрали пустую скамейку на набережной и сели. Мила вдруг стала плакать, с ней как будто истерика была, я обнял ее за плечи, вначале просто так, чтобы успокоить, а потом вдруг понял что она руку мою не убирает, и так у меня на душе хорошо стало, я и не ожидал, что вот так смогу дотронуться до нее в первый вечер.

– Ты зря мне не позволила ему рожу намылить, – я ей сказал. А она говорит – нет, не зря. Ты видел, что он сделал с кошкой? Это он показал тебе, что с тобой будет. – Я ужасно удивился. – Со мной? – говорю. – Да я его раньше никогда не видел.

Она мне говорит – Это известный бандит. Его кличка Калмык. Все его в нашем районе бояться, как огня. Почему-то управы на него нет, милиция ничего не делает. Он все ко мне пристаёт, говорит, что никому не позволит со мной ходить. Я ее спросил – А он тебе не угрожает? Не применяет силу? – Она говорит – Нет, он все надеется, что я с ним добровольно сойду. Обещает прямо золотые горы. Никому не разрешает даже близко ко мне подходить. Что делать, не знаю. Такое несчастье на меня свалилось. Ухаживал тут один за мной, парень из нашего техникума, так они ему пригрозили, он испугался и не стал со мной встречаться. Потом другой был, инженер, хороший такой парень, и не трус, их угроз не испугался, так знаешь как они его избили? И пригрозили, что убьют, если еще увидят со мной. Он в милицию заявлять побоялся, их знаешь как много? Ну вот и с тобой придется расстаться.

Во мне все прямо таки закипело.

– Если ты, – говорю, – не хочешь со мной расставаться, то мы никогда не расстанемся. Пусть я лучше помру, чем добровольно от тебя откажусь. – А она спрашивает – Что еще остается делать? Лучше, если они убьют тебя? Что так, что иначе, а мы не будем вместе. Сбежать бы отсюда в другой город, да как? Ни жилья, ни знакомых, кто помог бы устроиться, ничего. – Она закрыла лицо ладонями и снова заплакала. В этот вечер мы очень сблизились с ней. Поверите ли, батюшка, мы даже целовались, и я совсем чуть не рехнулся, прямо как пьяный был, я даже представить себе не мог, что мне когданибудь такое счастье выпадет. Она мне сказала, что я ей давно нравился, я и подумать такое не мог. Я все время был тощий такой, с детства желудок был испорчен, дома какое питание было? Я думал, что красивее Милы нет никого на свете, как же она обратит на меня внимание?

Мы стали встречаться почти каждый вечер. Все вокруг как бы завертелось, закружилось, дни понеслись, как секунды, и все изменилось: и люди, и работа, и дни, и ночи. Недели через две она захотела познакомить меня со своими родителями. Я сильно робел в тот вечер. Она мне дала свой адрес и сказала – Приходи к восьми часам вечера. Вот тебе телефон, позвони, если что.

Я накануне занял денег на работе у приятелей и купил себе новый костюм, рубаху, постригся, словом, сделал все, что мог, чтобы выглядеть хорошо. От трамвайной остановки до дома Милы было ходу пять кварталов. Я шел не спеша, время оставалось минут пятнадцать до восьми, а когда до ее дома оставалось два квартала, я увидел на углу четверых. Калмыка среди них не было, но я сразу понял, что они меня просто так не пропустят. Когда я поравнялся с ними, они преградили мне путь и один из них говорит – Ты куда идешь такой наряженный, фраер? – Я остановился и говорю – Дай пройти. – А он мне – Ты заворачивай и иди назад, пока тебе ребра не пересчитали. А про Милу забудь, не то небо тебе со спичечный коробок покажется. Понял, фраерок? Заворачивай.

Я попытался его обойти. Он меня ударил, я ему дал оборотку, тут началась драка, но что я мог сделать против четверых? Они меня сбили на землю, пинали довольно крепко, но не так уж, чтобы душу вышибить, а когда они ушли, я встал и увидел, что весь в грязи, из носа и рта кровь течет, на костюме пятна крови с грязью, а о белой рубахе и упоминать нечего. Как я в таком виде мог пойти к Миле? Я пошел назад и, увидев телефонную будку, позвонил Миле. Она по моему голосу поняла, что что-то произошло. Она спросила – Ты где? – Я ей говорю – Я недалеко. Но я не могу прийти к тебе, Мила. – Она встревожилась, почти крикнула – Что случилось, Андрюша? Говори же. Я ей вкратце рассказал.

– Весь я грязный, в земле, костюм надо снять да привести себя в порядок. На это много время уйдет, а если к тому же на лице синяки есть, как я в таком виде появлюсь перед твоими родителями? Подумают еще, хулиган какой. – А Мила мне говорит – Андрюшенька, иди домой, я к тебе сейчас прибегу. Хорошо, милый?

Когда я возвращался домой, на меня с удивлением смотрели прохожие. Я хоть и стряхнул грязь, как мог, а все равно видок был неприглядный. Во дворе нашем, на мое счастье, никого не было. Только сосед с крайнего подъезда пытался завести свой мотоцикл, да ничего у него не получалось. Звали его Кирилл. Он интересный был мужик, наш сосед. Ему было лет так тридцать пять, а может быть немного поболее, ходил всегда хорошо одетый, аккуратный такой, очень уверенный в себе. Мотоцикл у него был дорогой, он иногда возил на нем хороших женщин, а вообще-то, он редко показывался. Кто-то из соседей мне говорил, что он работает где то в отделе снабжения, чуть ли не начальником каким. Я порой не видел его неделями, а когда мы случайно встречались, он кивал головой в знак приветствия, и раз даже заговорил со мной.

Когда я поравнялся с ним, он посмотрел на меня внимательно, и спрашивает – Кто это тебя так отделал? – Я ему говорю – Да... так. Не важно. Что у тебя тут с мотоциклом-то? – А он спрашивает – Ты что, понимаешь в этом? – Я ему сказал, что понимаю, с малолетства с техникой работаю и могу починить все, что сделано из металла. – Дай, – говорю ему, – посмотрю.

Кирилл слез с мотоцикла и стал внимательно наблюдать за мной, ни во что не вмешиваясь, никаких вопросов не задавал, пока я чинил. Мне понадобилось минут пять, не более. Там, в мотоцикле, был какой-то пустяк, но если точно не знать причину, то все время будут проблемы с ним. У меня у самого был когда-то дешевый мотоцикл, я любой мотоцикл могу собрать и разобрать за несколько часов. Я завел мотор, Кирилл заулыбался, сел в седло, тронулся с места на большой скорости, а когда я подходил к дому, он вдруг резко развернулся, подкатил к подъезду и перегородил мне путь. Улыбается так, во весь рот, а глаза совсем не смеются, и говорит – Ты мне не сказал, кто тебя избил. И за что. Скажи, может я могу помочь. – А я махнул рукой и сказал – Не можешь. Это тут местные, блатные. А он мне говорит – Нет для меня блатных. Кто это? – Да так зло сказал, я даже удивился, и, признаюсь, первый раз внимательно посмотрел на него. А когда пригляделся, то увидел то, что раньше не замечал. Он был слишком уверен в себе, и глядел так, как будто не могло быть ему никаких возражений. Я понял тут нутром, что он не тот, за кого его принимают соседи. Я ему говорю – Как нибудь

расскажу в другой раз. Сейчас пойду, отдохну. – Кирилл повернул ручку газа, мотоцикл заревел, и он сквозь шум мне сказал – Добро. Скоро увидимся. – И уехал.

Я пришел домой и стал приводить себя в порядок. Скоро пришла Мила. Она принесла мне пирог и еще что-то поесть, стала прикладывать разные примочки к ранкам на лице. Она то плакала, то целовала меня, то жалела. Стала строить планы, как нам переехать в другой город. А потом посмотрела на часы и говорить – Уже поздно. Я домой не пойду. Я останусь у тебя. Она разделась, не включая света, и я не выпускал ее из своих рук до утра.

Ох, какая это было ночь! Она мне тогда сказала – Люблю. Я после этого минуту лежал, не мог пошевелиться, не верил, что это услышал. А потом у меня был какой-то прилив энергии: я ерошил ее волосы, тряс за плечи, трепал, мял и тискал, как куклу, а она улыбалась так снисходительно, понимала, что я рехнулся от любви, гладила меня по щеке, говорила – Ой, затрясешь до смерти, – и целовала, пытаясь меня успокоить. Мы не спали всю ночь, а на рассвете подошли к окну, я раскрыл створки, и мы стояли голые, смотрели на улицу. Никого в этот час не было, ни людей, ни машин, тихо так. Наверное, часов пять утра было. Я ей сказал – Знаешь, Мила, я постараюсь сделать все, чтобы ты была счастлива со мной. Я буду продолжать учиться, закончу техникум, а после этого буду поступать в институт. Сколько буду жить, столько буду учиться.

Мила погладила меня и сказала – А я никогда больше не буду учиться. Я люблю жизнь такой, какая она есть. Мне нужно, чтобы был мир в доме, любимый муж, вкусный ужин по вечерам. Мне бы хотелось вот так стоять иногда с тобой голой у окна, рано утром, когда еще люди не проснулись, и встречать рассвет. Ты любишь рассвет? Я так люблю жить!

Я тогда вспомнил один случай. Как то перед армией я не ночевал дома, остался у одной из наших девок, из тех, что жили в бараках. А на следующий день вечером, за ужином, мать меня упрекнула, что я дома не ночевал, что она волновалась. Я сказал, что я уже взрослый, что хочу, то и делаю. А еще я сказал, что хочу получить от жизни все, что можно, не хочу прожить так, как они. Я и в самом деле думал, что жизнь их паскудная. Только тяжелый труд, чтобы хоть как то на пропитание добыть, никаких развлечений, да я уверен, что отец не знал другой женщины, кроме моей матери, и он у нее тоже был единственный мужчина. А отец мне говорит – Ты еще слишком молод, чтобы знать все о жизни. К твоему сведению, я не пропустил в жизни ничего. – Он обнял мать за плечи и сказал – У меня каждый день праздник. – И вот в эту ночь я понял, что он имел в виду. У него было то, что самое важное в жизни нашей. Он любил мою маму, и она любила его. У меня в ту ночь было то, что нельзя пропускать в жизни. Я тоже могу сказать, как и мой отец – Я не пропустил ничего. – У меня это было, а многие умирают, так и не узнав, что такое любимая женщина.

Мы заснули, когда город уже начинал просыпаться и шуметь. Когда мы встали, я ее спросил – Как ты объяснишь своим, что не пришла домой? – А она говорит – Я им скажу, что я уже твоя жена. Правда ведь? – Я ей сказал – Жена, конечно.

Мила села на край кровати, закинула руки за голову и собрала волосы в хвост. Я следил за каждым ее движением, боялся пропустить, рассматривал все изгибы ее тела, в голове был какой-то сладкий хмель. Мила предложила прогуляться и потом пойти в кино. Я, конечно, сразу согласился. Мы долго гуляли по городу, а когда подошли к кино, Мила пошла покупать билеты, а я пошел за мороженым. Вдруг я почувствовал, что кто-то меня крепко схватил за плечо и рывком вытащил из очереди. Когда я огляделся то увидел, что Калмык стоит передо мной, а вокруг – его люди. Он мне тут и говорит – Ты не понимаешь русского языка, фраер. Этой бабы тебе никогда не видать. Лучше уймись, найди себе другую.

– Ты можешь меня убить, – сказал я ему тогда, – но ты мне не указ. Не твое это собачье дело.

Он прищурил глаза, помедлил секунду и ответил – Я и не собираюсь тебя убивать. Я тебя изувечу. Я выблю тебе глаз, поломаю руки и ноги, вытащу зубы. Ни одна баба с тобой, таким красавцем, не пойдет. Будешь жить калеккой. Хочешь это?

Тут подбежала Мила, протиснулась ко мне и закричала на Калмыка – Что тебе от нас надо? Отстань ты от меня! Мы на тебя в милицию заявим. Калмык презрительно усмехнулся и отошел. В кино я не смотрел на экран. Я озирался по сторонам, опасался какого то-подвоха, такие как Калмык зря не грозятся, им ничего не стоит изувечить человека. После кино Мила попросила не провожать ее до самого дома, боялась, что бандюги Калмыка могут сторожить меня неподалеку.

– За меня не бойся, – сказала она, – меня они не тронут. Калмык не позволит, чтобы меня кто-нибудь пальцем задел. Позвони мне перед тем, как пойдешь домой, там у вас есть поблизости телефонная будка, я хочу знать что ты благополучно добрался до дома.

Недалеко от моего дома и в самом деле был телефон, и я позвонил оттуда Миле. Я ее спросил – Ну как твои родители? Не ругали тебя? – А она говорит – Нет. Мама спросила: где это ты загуляла? А я ей сказала – У мужа. Готовься к свадьбе.

У меня ее слова звенели в ушах. Я пришел домой, лег на кровать не раздеваясь, и вспоминал все моменты прошедшей ночи и дня. Вдруг я услышал звонок входной двери. Никто из моих соседей не пошел открывать. Одинокая соседка никогда на звонок не выходила, ее никто не навещал, а мои другие соседи, пьяницы муж и жена, наверное где-то гуляли. Я никого не ждал, и потому не шел открывать, но потом звонки мне так надоели, что я решил выйти и посмотреть, кто это. Как же я удивился, когда открыл дверь. Там стоял Кирилл! Он улыбнулся мне, как старому другу, и говорит – Слышь, Андрей, не можешь ли ты меня выручить? Я ключ потерял, мать его так, и теперь дверь не могу открыть. Есть ли у тебя инструмент сломать замок? – А я ему говорю – Не надо ломать замок. Я замки знаю очень хорошо, я два года работал в мастерской по ремонту замков. Я тебе в два счета любой замок открою.

Кирилл очень обрадовался, сказал, что будет ждать меня около двери своей квартиры. Я взял с собой кое-какой инструмент и пошел к нему. Замок я вмиг открыл, конечно, а он тут стал меня благодарить, затащил к себе, и говорит – Давай, выпьем. Что ты хочешь? Бери, чего и сколько хочешь, разливай.

Я огляделся, смотрю, богато он живет. Везде мебель хорошая, а на кухне стойка такая специальная, на ней и вина, и какие-то бутылки из-за границы, и армянский коньяк, и чего угодно. Я выбрал армянский коньяк и разлил по рюмкам. Кирилл протянул руку, чтобы чокнуться. Я заметил, что он как то странно держит рюмку: не кончиками пальцев, а их серединой, ближе к ладони. Я тогда не придавал этому значение. А Кирилл меня все угощает, у него колбасы были всякие, и сыр, и вино. И все просит меня помочь по хозяйству: колбасу резать, вино и коньяк разливать, и всякое такое, а сам ни к чему руки не прилагает. Когда мы изрядно выпили, он меня спросил – Кто же тебя тогда побил, Андрей? До сих пор синяки. Может, я могу помочь? Я ему сказал – Не сможешь. Ну, от коньяка у меня язык развязался, и уж очень он располагал к беседе, я ему все-таки вкратце рассказал про Калмыка и про Милу. Он внимательно слушал, хмурился, а потом говорит – Погоди-ка, я сейчас кое-кому позвоню. Мы, наверное, тебе поможем.

Он пошел в переднюю, где стоял телефон, взял карандаш в кулак, и набрал им номер. Потом что-то невнятно проговорил в трубку, я не расслышал, что, и сразу же вернулся. Мы продолжали пить и болтать, Кирилл завел какую-то музыку, и скоро раздался звонок. Кирилл открыл дверь и впустил парня примерно его возраста, невысокий такой, да и в плечах не большой, а двигался медленно, как ходят очень большие и толстые люди. Кирилл говорит мне – Вот познакомься. Его зовут Хлыст. Так и его зови его, Хлыст. Расскажи ему, кто такой Калмык.

Я снова стал рассказывать свою историю. Хлыст пил и кивал головой, а потом, когда я закончил, он сказал – Я знаю, кто такой Калмык. Я не знаком с ним лично, с такой шушерой не

вожусь, но у меня приятель из этой шоблы. Так вот, есть подозрение, что этот Калмык стучит. Вроде бы он с ментами вась-вась, точно не известно, но многое ему прощается, другого бы давно посадили за его проделки.

Я ему сказал тогда – А Мила собирается заявить на него в милицию. – Хлыст медленно повернулся ко мне, он все делал медленно, и также медленно проговорил: – Лучше не делай этого. Беду себе наживешь. Ну вызовут они его и скажут – На тебя тут заявление написано. Ты прекрати это, а то получишь, в конце концов. Что еще они могут сделать по такому заявлению? А он, испугается он, что ли? И что будет потом? Что Калмык на это сделает? Соображаешь?

Тут Кирилл вступил в разговор.

– Ты учти, большинство ментов – болваны. Кто другой туда идет? Да и какое им дело до того, что после с тобой будет? У них есть инструкции, они будут обязаны поговорить с ним, а на последствия им плевать. Убьют – ну, тогда и разбираться будем. Что еще можно от этих падлюг ожидать? А если он и в самом деле стучит, так ему и карты в руки. Изувечит тебя, и ничего ему за это не будет.

Я совсем скис и говорю – Что же мне делать? Ни уехать отсюда, ни защититься. А Милу я не оставлю, тут уж мне плевать, что дальше будет. Хлыст переглянулся с Кириллом и говорит – Я с ним поговорю. Может образумится.

Я очень удивился. – Как это он может образумиться?

Тут Хлыст усмехнулся, медленно вытащил из кармана опасную бритву, раскрыл ее до конца так, что тыльная сторона вошла в рукоятку, зажал ее в кулаке таким образом, что только кромка лезвия высывалась из пальцев, а рукоятка упиралась в ладонь, и сказал в своей манере – Если я кого поглажу ей, тот сразу образумится.

Я понял тут, что из себя представляет Хлыст. Не хотелось бы мне идти так далеко. Я его тут спросил – А если и после этого не образумится? – Хлыст так же медленно сложил бритву и спрятал в карман. Тогда – говорит, – придется завалить. Я не люблю, когда меня не слушают.

Хлыст не делал страшное лицо, не пытался выглядеть грозным, как делают хулиганы, которые наводят понт. Хлысту это было не нужно. Для Хлыста, очевидно, это было обычное дело. Тут Кирилл спросил Хлыста – А если его зажать в темном углу? Неужели припугнуть нельзя? Нет таких бластных.

– Ты пойми, – сказал Хлыст, – он хоть и баклан, но у него уж очень большая шобла. Человек двести будет. На настоящие воровские дела он не способен, но ему это и не надо. И хоть это шушера всякая, но их много, что ты с ними со всеми сделаешь? Все бакланы, как он, без мозгов. Но если одного пришить, все сразу образумятся, другого они не понимают. А кому охота мочить баклана? Сам понимаешь, не наше это дело. – А потом он обратился ко мне и сказал – Оставь мне телефон, куда тебе позвонить. Если я что узнаю, то тебе сообщу.

Я оставил ему свой телефон на работе, дома то у меня телефона не было. И ушел. Но мне долго не давал покоя этот разговор. Чем больше я думал о Кирилле и Хлысте, тем более опасными они мне представлялись.

Несколько дней прошли без происшествий, но я все время чувствовал, что это временное затишье. И вот во время обеденного перерыва приходит Мила ко мне в лабораторию и говорит – Ты знаешь, Андрюша, я была в милиции. Я заявила на Калмыка несколько дней назад. Больше такое терпеть нельзя. Мой отец настоял, и я пошла. Там ему живо хвост прикрутят. – Я ничего ей на это не ответил, но понял, что это начало конца. Что-то должно завертеться.

Мила стала весело говорить о своих планах. Она узнала, что можно устроиться на работу в Норильске, там нужны люди, и хоть это не сразу делается, но все равно можно устроить. Там неплохо зарабатывают, и будем подальше от этих бандюг, только нужно до этого зарегистрироваться, как муж и жена. И еще она сказала, что отец и мать хотят меня увидеть сегодня, можно пойти прямо с работы. Я, конечно, с радостью согласился. И тут меня позвали к телефону. Я взял трубку и услышал голос, медленный и хриплый. Это был Хлыст.

– Калмыка вызывали в милицию на беседу, – сказал он. – Зря ты это сделал. – Я ему говорю – Это не я. Мила заявила, по совету отца.

– Худо, – сказал Хлыст. – Мой человек сказал, что сегодня они хотят тебя встретить. Ты, конечно, можешь спрятаться в квартире и не выходить, но рано или поздно они все-равно тебя достанут. Хочешь, я тебе сегодня помогу? Я подумал секунду, а потом сказал – Хочу. Как ты сможешь? – А он говорит – Это уж мое дело. Скажи только, в какое время ты будешь возвращаться домой. Чем позже, тем лучше.

– Наверное, часов в десять, – я ответил. – Я иду сегодня вечером к Миле в гости. – Хлыст говорит – Хорошо. И повесил трубку.

Мы пошли к Миле прямо с работы. Родители ее приготовили ужин, приняли меня ласково, я им сразу понравился. Отец ее был инженер. Я ему стал рассказывать про нашу лабораторию, и что я там делаю. Я старался не думать о предстоящей встрече с Хлыстом. Было очень приятно и тепло, мне не хотелось уходить, я чувствовал себя у них, как в семье, но время приближалось к десяти, я попрощался и ушел.

Уже стемнело и улицы опустели. Недалеко от моего дома, в маленьком темном переулке, я заметил троих. Они стояли и курили, как будто дожидаясь кого-то. Один из них вдруг направился ко мне. Я продолжал идти вперед, не ускоряя шаг и не замедляя, делая вид, что ничего не заметил. Тот, что направлялся ко мне, тихо меня окликнул. Я узнал голос – это был Хлыст. Он неторопливо подошел и сказал:

– Они тебя ждут около твоего дома. Ты начни толковать спокойно, не задирайся. Я подойду. А как только я начну с ними говорить – ты сразу же уходи. Понял? – Я ответил: Понял. А у самого сердце так и прыгало от страха, хоть я и не трус, но чутье подсказывало, что Хлыст – страшный злодей, все могло произойти, да деваться уже было некуда. Я подошел к дому своему, а там в самом деле стояли трое, и тоже курили. Они перегородили мне путь около подъезда, одного я сразу узнал. Конечно, это был Калмык. Он приблизил свою рожу ко мне, глаза выкатил, чтобы пострашнее казаться, и говорит:

– Тебе не живется на земле, фраер. Дождешься, что я тебя ножом по глазам полосону. – А у меня все сердце стучит от страха, но не потому, что Калмык страшал. Хлыст был гораздо страшнее. Я говорю Калмыку – Вы что, ребята? Что я вам сделал? Что вы от меня хотите? Тут я увидел, что Хлыст к нам приближается. У него рот и нос были закрыты шарфом, это потом я узнал, что он не закрывается только тогда, когда идет убивать. Кепка было надвинута на лоб, его никак не узнать. Он был один, но я то знал, что еще двое где-то поблизости, на случай, если нужна будет помощь. Я подумал: Сейчас начнется. Хлыст и убить может, тогда беды не оберешься.

Хлыст подошел и говорит – Дайте закурить, земляки. Сигареты кончились. – А Калмык все смотрит на меня, даже головы к Хлысту не повернул, и говорит ему – Отвали, фраерок. Дергай отсюда, пока цел. Не до тебя. – А Хлыст ему спокойно, медленно так, недовольно отвечает – Ты мне грубишь, земляк. Я ведь у тебя только закурить прошу.

Тут друзья Калмыка почуяли что-то неладное. Один из них даже потянулся в карман за сигаретами, но Калмык то думал, что он царь и Бог в темных улицах. Он так это картинно взмахнул рукой, как бы отмахиваясь. Он хотел не глядя ударить Хлыста по лицу, но это, конечно, был дохлый номер. Хлыст внимательно наблюдал за действиями каждого, он вовремя заметил, как рука движется, и от медлительности его не осталось и следа. Он быстро отклонился назад, как опытный боксер, и Калмык промахнулся. Хлыст, не размахиваясь, ударил Калмыка по левой щеке тыльной стороной правого кулака, в котором была зажата раскрытая опасная бритва. Калмык вскрикнул, даже на визг перешел, грохнулся на землю, видать, ноги от боли подкосились, а я побежал к подъезду. Возле дверей оглянулся и увидел, что один из друзей Калмыка наклонился над ним, а второй вытянул руку, указывает на Хлыста и что-то орет, глаза вытаращил от страха, но подойти боиться. Я забежал в подъезд, поднялся к себе

и незаметно проскочил в свою комнату. Мои соседи не заметили моего прихода. Одинокая женщина как всегда, не высовывала носа, а муж и жена подпили и громко ругались. Я налил себе немного водки, чтобы успокоиться, я ведь не пьяница, у меня всегда водка в заначке была.

В эту ночь только одно стучало у меня в висках – Что будет? Как поступит Калмык? Заявит в милицию, или нет? Поймет ли он, что это была моя защита? Или, может, что другое произойдет, чего я и предвидеть не могу?

Кирилл позвонил мне в лабораторию на следующий день, часа в три. Я ждал звонка с нетерпением, либо от него, либо от Хлыста. Кирилл сказал коротко – Приходи сегодня ко мне часам к восьми вечера, когда начнет смеркаться. Есть интересные новости. И повесил трубку. Я, конечно, пришел. Кирилл усадил меня на кухне, где уже сидел Хлыст, и предложил выпить. Я налил себе в стакан водки, выпил залпом и устался на Хлыста в ожидании новостей. Хлыст понял мое нетерпение, сдвинул брови и заговорил медленно, хриплым басом.

– Я хотел с ними потолковать, ты же видел, да не вышло. Этот баклан хотел меня по морде шлепнуть. Если кому и удавалось это сделать, так тот уже в земле лежит. Его счастье, что он не попал. А сейчас у него есть время подумать, как разговаривать с людьми, которых он не знаешь. Ведь если я подошел к ним ночью, значит не зря? Значит, чего-то мне было надо? Баклан есть баклан. Лежит он в больнице, этот Калмык. Несколько дней проведет там, а потом долго на улицах не покажется. Не будет же он перевязанный ходить? Все уважение потеряет у своих бакланов.

Хлыст был в хорошем настроении. Он все время подливал себе коньяк и пил медленно, со вкусом. Кирилл его вдруг спрашивает – Ты не узнал у твоего человека, что они думают по поводу Андрея? Хлыст ответил – Узнавал. Они не могут понять, замешан Андрей в этом, или нет. По всему, не может он Калмыку такое подстроить. Они думают, что это совпадение какое-то, ведь Андрей не вор, не блатной, точно известно, что он просто работяга, ну, фраер. Нет у него никого, кто мог бы за него мазу держать. А этот Калмык, сучка безмозглая, клянется, что найдет того, кто ему шрам посадил, где бы он ни был: на небесах или под землей. Не знает он, что если меня найдет, ему конец.

Тут Хлыст распустил свой язык, стал объяснять, куда и как бить, ножом или без ножа, чтобы человека сразу убить, или парализовать, в зависимости от того, что надо. Наконец, Кириллу надоело это слушать и он его перебил.

– Скажи, Хлыст, может быть есть какая-то возможность этого баклана утихомирить? Ведь сейчас, после шрама, у него может мозгов прибавится.

На это Хлыст ответил – Бесплезно с ним говорить. Мой кореш сказал, что Калмык по этой бабе с ума сходит. Его гораздо проще замочить. Он ради нее на рога полезет, ну, ты ведь понимаешь, если он Андрея утихомирить не может, то как же ты его самого утихомиришь? Из-за бабы, бывает, двое столкнутся, их только смерть разнимет. Верно я говорю, Андрей?

Я кивнул утвердительно. Тут Кирилл взял бокал вина, как всегда осторожно, серединой пальцев, и говорит мне – Слышь, Андрей, есть у меня к тебе большая просьба. Не столько даже просьба, как предложение. Он переглянулся едва заметно с Хлыстом, а потом продолжал.

Тут есть один крупный деляга, он ворует на складах всякого рода продукты и вещи и продает налево тоннами. А так как деньги ему негде хранить, он держит их у себя дома, в сейфе. Не мог ли бы ты нам помочь этот сейф вскрыть? Конечно, когда никого дома не будет.

Вот так просто и сказал, я даже ответить ничего не мог в первый момент. Они сидят, как ни в чем не бывало, и ждут от меня ответа. Я им говорю – Я не по этой части. Я никогда такими делами не занимался и заниматься не буду. – А Кирилл гнет свое – Ты не торопись отказываться. Я ведь тебе не предлагаю работать с нами. Сделаем это дело, а там сам посмотришь. Когда будешь иметь много денег в своих руках и увидишь, какую жизнь они могут тебе дать, ты, наверное, изменишь свое мнение. Но это, повторяю, твое дело. Ты помоги сейчас нам, а

мы поможем тебе. Подумай сам: дело совсем безопасное. Мы войдем в дом, когда мужик будет на работе. Вскроем сейф и уйдем. Он даже заявить то никуда не может? Ведь деньги то это ворованные! Представляешь, такое дело!

Я ему говорю – Я не умею открывать сейфы. Никогда этого не делал. А Кирилл на это отвечает – Ты это сделаешь лучше, чем любой, который у нас сейчас есть. Я видел, как ты мой замок открыл. Я специально тебе сказал, что ключ потерял, чтобы проверить тебя в работе.

Я очень удивился и спросил его – Так ты, значит, не потерял тогда ключ?

Кирилл улыбнулся снисходительно, и говорит – Нет, конечно. Но раз ты в делах с железками понимаешь, то нужно было посмотреть, как у тебя получается. Однако, не думай, что я тебя склоняю работать с нами. Нам нужно сделать это дело, а там мы найдем кого-нибудь. После этого дела долго ничего не будет нужно. Уж очень много там денег.

Я его спросил – Кто туда со мной пойдет? – Кирилл ответил – Только мы трое. Ты должен будешь открыть входную дверь, а когда войдем внутрь, открыть сейф. Дома, как я тебе сказал, никого не будет. Никто после заявить на нас не сможет. Это самое хорошее дело – брать деньги у тех, кто заявить не сможет. Так ты согласен? – И я согласился. Мне и деваться то было некуда, я оказался между двух банд. Хлыст тут встал и сказал – Ну, я пошел. – А потом, обращаясь ко мне, добавил – На счет Калмыка ты не беспокойся. Я беру все на себя. Этот баклан либо от твоей бабы откажется, либо я его уложу. Не беспокойся.

И он ушел. Я понял, что все закручивается в спираль, и раскрутить ее будет трудно. Но иначе ничего не получалось. Успокоить Калмыка могли только такие, как Кирилл и Хлыст. Никто другой на него подействовать бы не смог.

Я тоже собрался уходить, но Кирилл меня остановил. – Задержись – он говорит – еще на час. Можешь? – Я согласился. – Он говорит – Мне нужна твоя помощь. Сейчас ко мне придут в карты играть, крупная игра у меня иногда идет. Нужно в комнату отнести бутылки, закуски какую, сигареты, ну всякую всячину. Мне это нельзя делать перед игрой. Поможешь? – Я очень удивился. – Почему – говорю – тебе это нельзя делать? – Он протянул ко мне руки ладонями кверху и говорит – Посмотри на концы моих пальцев. Видишь что-нибудь? – Я и в самом деле увидел, что выглядят его пальцы как-то не обычно. Розовые такие, кожа на вид тонкая, как будто поражена какой-то болезнью.

– Что это? – я спросил.

– Я кожу на концах пальцев стачиваю тонкой наждачной бумагой – говорит Кирилл. – Кожа должна быть совсем тонкой. Когда я играю в карты, я чувствую все: если карта крапленая, я вмиг определяю. Иногда, если карты не очень хорошего качества, я могу по краске узнать, что за масть. Мне больно что-нибудь брать кончиками пальцев, но во время игры я боли не чувствую. А когда на мотоцикле езжу, всегда концы пальцев пластырем закрываю и перчатки одеваю, иначе ездить не могу. А ты, – он меня спросил, – в карты играешь?

Я говорю – Нет. Значит, ты рюмку так держишь, потому что не можешь брать ее кончиками пальцев? – А он говорит – Что поделаешь. Зато во время игры никто не может меня нагнуть. Знаешь, игра по крупной – очень сложное дело. Нужно много запоминать, какая карта как щупается, чем отличается от других, быстро все считать. С такими, что сейчас придут, иначе нельзя. Хочешь посмотреть игру по крупной?

– У меня нет денег – сказал я. – Да и не умею я играть в карты.

– Я дам тебе пятьсот рублей на игру, – предложил Кирилл. – Оставайся.

Я, конечно, отказался, а про себя подумал: «Пятьсот! Вот, просто так, поиграть. У меня зарплата вся сто тридцать, а я считал, что хорошо зарабатываю». Я принес из кухни в комнату все, что Кирилл просил.

– До встречи, Кирилл – сказал я, закончив работу. – А игра – это не по мне.

Через три недели Кирилл позвонил мне на работу и пригласил к себе. Он встретил меня с улыбкой, предложил, как всегда, выпить, и сказал, что нужно подождать Хлыста. Тот почему то запаздывал, и Кирилл стал объяснять мне свои понятия о том, как нужно вести дела.

– Я стараюсь иметь дело с людьми, которые не сидели в тюрьме. У ментов нет отпечатков их пальцев и фотографий, и потому их словесный портрет и отпечатки не с чем сравнивать. У ментов не может быть даже стукачей, которые бы навели на след. Знаешь, как раскрывается большинство преступлений? Кто-то заложил, у кого-то язык распустился, стал бахвалиться. Все эти так называемые воры – народ без мозгов, не может не похвастаться. Если бы не это, большинство дел осталось бы не раскрыто. Нет у ментов людей, которые могут думать, поверь мне. Если есть, то очень мало, единицы. Поэтому если все продумать и аккуратно сделать, никогда не найдут. Нужно только держать язык за зубами, и не размахивать деньгами при народе.

Я его спросил – А ты сидел в тюрьме? – Кирилл ответил – Сидел, но очень давно и недолго. Больше туда попадать не хочу. И это то, что мне нравится в людях, не сидевших: они туда попадать боятся, и потому делают все чисто, чтобы не попасть. Нужно только подбирать правильных людей.

– А если, – я его спросил, – тебя кто-нибудь заложит?

Кирилл посмотрел на меня внимательно и сказал – Если кто заложит, то долго жить не будет. Ты думаешь, у меня один такой Хлыст? У меня много людей, но все они разбиты на группы. Люди одной группы не знают людей из другой. Хотя все знают, что есть другие, которые будут охотиться за крысой всю его оставшуюся жизнь. – Я ему тогда сказал – На меня ты можешь положиться. Я никогда не расколюсь, но не из-за того, что смерти боюсь, а потому что держу слово. – Кирилл сразу смягчился и говорит – Ты не принимай это на свой счет. Случись, даже я расколюсь, есть люди которые меня достанут. Те, кто в законе, живут во всех концах России, до них никогда не доберутся, а они могут добраться до любого. И лучше уж пулю от ментов получить, чем попасть в лапы моим людям. – Тут я спросил Кирилла – Ты уверен, что сможешь справиться с Калмыком? – Кирилл ответил – Уверен. Хлыст это будет делать. Это его работа. Он делает ее хорошо. – Я ему тогда сказал – Я не хочу, чтобы его убили. Мила пытается найти пути, чтобы устроиться нам в Норильске. Если это получится, может не понадобится ничего с ним делать. Он нас не найдет. – Кирилл сказал: Это хорошо. После того, как сделаем дело, неплохо на время исчезнуть из города, а еще лучше – навсегда. А если понадобится со мной связаться, я тебе скажу как.

Я ему говорю – Я от одной соседки слышал, что ты работаешь где-то в отделе снабжения. – Кирилл тут расхохотался. Он сказал – Я нигде не работаю. Я числюсь в одной конторе, а зарплату, что мне выплачивают, отдаю тем, у кого работаю. Да еще сверху приплачиваю. Я живу так, чтобы не вызывать подозрений. Если надо уехать из города – выписываю себе командировку, куда хочу. Иногда появляюсь на работе, на часок.

Тут раздался звонок и Кирилл впустил Хлыста в квартиру. Кирилл провел нас в комнату, усадил за большой стол и сразу же перешел к делу. Он положил на стол лист бумаги с какими-то схемами и стал объяснять.

– Это – схема улиц. Вы должны запомнить ее наизусть. Вот отсюда мы пойдем к человеку, который никогда ни в чем прямого участия не принимает. Его зовут Стриж. Он раздаст нам масхалаты, и от него мы пойдем на дело. Как закончим, пойдем к нему обратно, сдадим масхалаты и деньги. Все хранится у Стрижа, даже я не знаю, где он все прячет. Я вам сейчас покажу подробно, как мы пойдем к нему. Вот здесь, на этой улице, стоит большой дом. У Стрижа квартира номер двенадцать. Напротив, к северу от этого дома располагаются кварталы частных домов. Тут много проходных дворов, сам черт не разберется, если заранее не изучить все. Так вот, каждый пойдет через разные проходные дворы, сначала Андрей, потом Хлыст, потом я. Понятно? – Я заметил, что Кирилл объяснял это в основном мне. Хлыст почти не

слушал, ему все это было давно знакомо. Кирилл дал мне карту, сказал, чтобы я ее как следует изучил, запомнил и сжег. Я так и сделал, и это мне потом пригодилось. А Кирилл продолжал давать инструкции.

– Мы должны к двенадцати часам быть у Стрижа. Масхалаты нужны, чтобы всем выглядеть одинаково, чтобы показания свидетелей, если случайно свидетели окажутся, будут противоречить друг другу. Хозяин хаты, куда мы после пойдем, иногда приходит домой во время обеденного перерыва, так что придем часам к двум, чтобы уж наверняка никого не встретить. Нужно избежать столкновений с людьми, в этом залог успеха. Нас будет только трое. Вы всегда должны выполнять мои распоряжения не думая и не споря. Можете возражать и оспаривать после того, как дело сделано. Но никогда – во время работы. Понятно?

Я кивнул, Хласт пробурчал что-то, а Кирилл продолжал:

– Деньги буду делить я. Дележа поровну не будет, заранее предупреждаю. Я дам столько, сколько посчитаю нужным, но никого не обижу. Вы должны учесть что мне многим надо платить. Тем, кто наводку дал, кто следил за человеком, кому-то нужно подогреть в тюрьму подкинуть – уйма расходов, иначе нельзя. Однако, не беспокойтесь: на всех хватит. Я мелочами не занимаюсь. Верно, Хлыст? – Хлыст весело улыбнулся и утвердительно кивнул.

Я отпросился на день с работы, и в ближайшую пятницу, как условились, направился к месту встречи. К дому Стрижа можно было подойти с центральной улицы, с переулка, или со стороны проходного двора, расположенного напротив подъезда. Кирилл должен был стоять в закутке проходного двора и наблюдать, нет ли чего подозрительного, но это было так, на всякий случай, ведь никто не мог знать о наших намерениях.

Я вошел во двор первым. Вокруг не было никого. Я поднялся на второй этаж и осторожно надавил на дверь квартиры номер двенадцать. Она была не заперта, как и было условлено, и открылась без шума, на хорошо смазанных шарнирах. Здесь я впервые увидел Стрижа. Никто никогда не подумал бы, что он принадлежит к банде воров. Ему было лет так двадцать восемь – тридцать, среднего роста, волосы светлые, прямые, одет скромно, и дружелюбный такой, улыбается, пригласил войти в комнату. У него была однокомнатная квартира, комната и кухня, места много для одного. Через две-три минуты зашел Хлыст, а потом и Кирилл появился. Стриж закрыл дверь на ключ, и принялся за работу. Он достал из кладовки три одинаковых темно-серых костюма, три пары одинаковых ботинок и рубах, и мы переоделись. Никто не разговаривал, каждый думал о своем. Стриж усадил нас на диван, достал три набора одинаковых париков, и стал их прилаживать на нас поочередно. Через несколько минут мы все трое выглядели одинаково: темные густые волосы с челкой на лбу, небольшие, аккуратные усы, и борода, у нас в техникуме так выглядели некоторые преподаватели. В одинаковых костюмах и ботинках. Кирилл распорядился так: выходим в том же порядке, как и зашли, и отдельно направляемся к дому, где находится сейф. У каждого в руках будет портфель. Ведь у меня должен быть инструмент, который нужно пронести в портфеле. Остальные должны выглядеть так же. Кирилл должен был первым войти во двор, наблюдать за всем, что происходит, и руководить. Меня очень беспокоило, что Хлыст идет с нами. Но я верил Кириллу: он наверняка все продумал, а Хлыст мог понадобиться, если надо чего помочь.

Я вошел во двор, подошел к двери, вытащил инструмент, и быстро открыл дверь, хоть и заперта она была на два замка. Я вошел внутрь, в небольшую прихожую, и оттуда в просторную комнату. У окна стоял большой стол, перед ним – кресло, тоже большое, старой работы, с подушкой на сидении. Я не успел толком рассмотреть все. Вскоре появила Хлыст, а за ним, почти сразу – Кирилл. Он был очень доволен.

– Ну вот, – говорит он, – сейчас остались пустяки. Найдем сейф, вскроем, и мотать. Давай, заглянем сначала в комнату слева.

Я зашел в эту комнату и сразу увидел сейф, он стоял в углу, у окна, примерно с метр высотой, но очень массивный, как видно, сделан из толстого металла. У меня уже перчатки

были надеты, я в них входную дверь открывал. Я раскрыл было чемодан, как вдруг услышал шорох какой-то. Я вышел на шум и гляжу, у Кирилла и Хлыста глаза тревожные, они быстро встали по обе стороны двери, ведущей в другую боковую комнату. Я отчетливо услышал звук шагов, кто то медленно шаркал комнатными туфлями, а потом дверь раскрылась и в проеме показалась старая женщина, заспанная, патлатая, в халате. Она шагнула вперед, и прищурила глаза, пытаясь меня рассмотреть, а когда увидела, что перед ней незнакомый человек, вскрикнула и попыталась отступить обратно в комнату. Хлыст быстро поймал ее за руку подтолкнул ее к креслу. Женщина испугалась, стала бормотать – Кто вы? Что вы здесь делаете? Как вы сюда вошли? – Она села в кресло, ни жива, ни мертва от страха. Кирилл наклонился к ней и спросил – Как ты здесь оказалась? – Она говорит: Я только вчера приехала из Перьми, племянника навестить.

– Где ключи от сейфа? – спрашивает Кирилл. Старуха совсем испугалась, запричитала – ничего не знаю, откуда мне что знать? – Тут Хлыст к ней подошел и говорит – Дай ключ от сейфа, карга, а то повешу. – Старуха выпучила на него глаза, потом вдруг обмякла, откинулась назад, и смотрит на него неподвижно. Кирилл снял перчатку, потрогал у нее пульс на шее и говорит – Сдохла. Ну и дела. Давай, Андрей, принимайся быстрее за работу. Нужно мотать отсюда, как можно скорей.

Я принялся за работу, но дело у меня не клеилось, как назло. Я волновался, замок не поддавался, сталь у сейфа была надежная и я не мог его вскрыть так быстро, как предполагал. И вдруг мы услышали, что кто-то открывает входную дверь. Хлыст встал у входа, у него в руках был какой-то тяжелый предмет, завернутый в тряпку, я потом узнал, что это кусок лома. Кирилл все предусмотрел, даже не предвиденное. В комнату зашел мужчина и остановился, вздрогнув, когда увидел Кирилла. Хлыст ударил мужчину сзади по шее предметом, завернутым в тряпку. Мне кажется, что Хлыст убил его сразу, тот даже не вскрикнул, только звук какой-то из него выскочил, как будто ворона каркнула. Мужчина упал на пол, лицом вниз. Хлыст ударил его по шее сверху еще раз, а Кирилл наклонился и пощупал пульс. Потом выпрямился, и раздраженно так говорит – Андрей, поспешай. Видишь, какие дела? Второй труп. – Я ему говорю – Не клеится у меня работа в перчатках. Не могу поддеть пальцем, не чувствую рукой, где чего. – А он мне говорит – Сними перчатки, и работай. Мы протрем все тщательно. В любом случае, твоих отпечатков нет у ментов. – Я снял перчатки, и дело пошло бойчее. Вскоре я открыл сейф, там оказалось много денег, они лежали пачками, Кирилл их все сложил к себе в портфель, часть даже пришлось положить к Хлысту в портфель, потом взял тряпку на кухне, и протер наскоро весь сейф, пока я складывал инструмент. Он сказал – Назад пойдем так – Хлыст выйдет первым, и даст со двора мне знак выходить. Когда я выйду, Хлыст даст знак выходить тебе, Андрей. Когда ты уйдешь, Хлыст уйдет за тобой, последним. Ты, Андрей, пойдешь на автобусную остановку. Я поеду на трамвае. Ты, Хлыст, тоже поезжай на автобусе, только отдельно от Андрея. Встретимся у Стрижа, заходим, как всегда, по одному, старайтесь, чтоб никто не видел. Ну, пошел, Хлыст.

Хлыст вышел, мы приоткрыли входную дверь, чтобы его видеть, и по его знаку вышли один за другим. На меня никто не обратил внимание. Что тут особенного? Идет обыкновенный человек с портфелем, служащий какой-то, никому и в голову прийти не могло, что мы только что убили двух людей. Только в автобусе я, наконец, осознал, что произошло. Меня стало трясти от страха, сильно тошнило, я думал, меня вырвет, едва сдержался. Я тут понял, зачем Кириллу нужен был Хлыст: если все расчеты окажутся неправильными и придется убивать, Хлыст будет это делать, это его работа, ему все-равно отвечать за столько, что еще один или несколько трупов приговор не изменят.

Когда я пришел к Стрижу, все были уже в сборе. Кирилл и Хлыст добрались раньше меня каким то образом. Все были озабочены, уже без париков, я тоже снял бороду, усы и парик. Стриж хмурился, нервно курил, и считал деньги на столе. Кирилл позвал нас на кухню и достал

из холодильника водку. Он сказал – Выпьем за успех. Менты никогда это не раскроют, поверьте мне, у них мозгов на это нет. А денег сейчас у нас будет достаточно, чтобы погулять. – Он протянул бутылку Хлысту, хлыст разлил водку по стаканам, и мы выпили. Но настроение не было хорошим даже у Хлыста. Мы закурили, потом еще немного выпили, все молча, а потом Стриж позвал Кирилла, они о чем-то пошептались, Кирилл пришел к нам и протянул мне и Хлысту по пакету.

– Это ваша доля – сказал он. – Предупреждаю: не кидайтесь тратить сразу. Лучше поезжайте куда-нибудь в другое место, на юг, в Сочи, Сухуми, Одессу, или на Рижское взморье, и там тратьте. А здесь – знайте меру, чтобы незаметно было. Ну, выходи по одному. Ты, Андрей, первый.

И я ушел. Придя домой, я раскрыл пакет. Там были деньги, много денег. Я пересчитал, оказалось восемь тысяч рублей. Мне таких денег не заработать и за несколько лет! Только радости никакой не было. Я не спал в эту ночь.

В понедельник утром я заметил в нашей лаборатории развернутую газету, оставленную на столе одним из наших сотрудников. Название статьи, напечатанное крупными черными буквами на мгновение ослепило меня: «Ограблены церковные деньги. Двое убито.» Я бегло прочитал статью и позвонил Кириллу.

– Ты же меня обманул, – сказал я, когда он поднял трубку. – Это были деньги не жулика, а церковные. Что ты наделал?

– Не горячись, – сказал Кирилл, пытаясь меня успокоить. – Сейчас уже ничего не исправить. У меня не было намерения кого-либо наглухо заделать, ты же знаешь. А башли – так это разницы никакой, чьи они были. Короче, давай отложим этот разговор до тех времен, когда все уляжется. Хочешь, я помогу тебе устроиться в Норильске? Я это проверну в течение месяца.

– Проверни, – согласился я. Что еще можно было сказать? Все было ясно и так.

Жизнь потекла, как обычно. Никто вокруг ничего не подозревал, и я успокоился, хотя на душе было препохабно, тошнило меня от воспоминаний, да и от всех этих дел. Я решил немного развлечься и повести Милу в ресторан, самый лучший в нашем городе. Я взял из денежной кучи около ста рублей, а остальные надежно припрятал. Во время обеденного перерыва я сказал Миле – Давай в выходные сходим в ресторан. Мы никуда с тобой не выходим, нужно немного развлечься. – Она с радостью согласилась. И вот в субботу я пришел к ней, она еще собиралась и прихорашивалась а смотрел, как она вертится перед зеркалом, подкрашивает губы и укладывает волосы. Ее родители удалились в комнату, чтобы не мешать нам, и стали смотреть телевизор. Мила внимательно и серьезно рассматривала себя в зеркало, а я наблюдал с улыбкой и терпеливо ждал. Она спросила меня – Ты чего улыбаешься, чудовище? – Я ей ответил – Ты для меня самая красивая на свете в любом виде. Так что напрасно стараешься.

Мы пришли в ресторан, когда там еще было много свободных мест. Нас усадили недалеко от входа, возле окна, очень уютное было место, и все вокруг было очень красиво. Я первый раз в жизни был в таком хорошем ресторане, да и где я мог взять на это деньги? Я хоть и зарабатывал неплохо, но такое позволить себе не мог. Миле тоже все здесь очень нравилось.

Нам принесли наш заказ, мы пили вино, ели, смеялись просто так, от радости, хоть ничего смешного вокруг не было. Так прошло больше часа.

Она мне сказала – Я все время о тебе думаю. На работе, когда я делаю чертежи, я иногда сижу, не в силах провести ни одной линии, и думаю о тебе. Иногда я просто вспоминаю, как мы проводим время, иногда мечтаю, как мы будем жить вместе, а иногда, просто стыдно сказать, такие бесстыжие мысли лезут в голову, ну, всякие такие с тобой... – Она тут отвернулась в сторону, засмушалась, кажется даже покраснела, и говорит – Не смотри на меня, наглое чудовище, а то я сейчас сгорю от стыда... – Вдруг ее лицо изменилось. Она повернулась ко мне бледная, с широко открытыми от ужаса глазами, не в силах произнести ни слова. Я

быстро оглядел ресторан и понял все. Возле входа стоял Калмык с тремя приятелями, дожидаясь, когда официанты усадят их за стол. Большой шрам горел на его щеке. Он смотрел на меня не отрываясь, казалось, он хочет убить меня прямо здесь, при всех, на месте. Но он этого не сделал. Он стал о чем-то переговариваться со своими друзьями и бросать взгляды в нашу сторону. Мила вся поникла, не могла больше ничего ни есть, ни пить.

– Откуда у него такой страшный шрам? – спросила она.

– Наверное, доигрался, доблатовался, – ответил я ей. – Рано или поздно бандюга допрыгается, нарвется на такого, кто даст отпор.

– Пойдем отсюда, – попросила она, переходя на шепот. – Я боюсь за тебя. Я вся дрожу. Пойдем отсюда, Андрюшенька, я очень тебя прошу. Ты для меня дороже всего на свете, дороже моей собственной жизни. Пойдем отсюда. Ничего я здесь не хочу. – Я ей сказал – Хорошо, сейчас пойдем. Подожди только минутку, мне нужно кое-куда сходить. Я сейчас вернусь. – Как только я поднялся, один из компании Калмыка встал и пошел к выходу. Прямо за дверьми, между раздевалкой и входом в ресторан, находилась телефонная будка. Я зашел туда и набрал номер Кирилла. Человек Калмыка стал вертеться возле раздевалки, он и не скрывал, что следит за мной. Кирилл поднял трубку, и я объяснил ему, в чем дело.

– Мы тут с Милой в ресторане, – говорю я – и, как назло, Калмык со своей шоблой зашел. Их тут четверо. Следят за мной, один даже сейчас напротив телефонной будки глаза мозолит. На сей раз мне от них не уйти.

Кирилл спросил – В каком ресторане?

Я сказал, в каком. Кирилл помедлил секунду, и говорит – Побудь еще там около часа, пока окончательно стемнеет. А потом выходи. Если какая катавасия заварится – постарайся уйти, пока Калмык и его люди будут заняты.

– А ты уверен, – я его спрашиваю – что сможешь мне помочь? – Тут Кирилл помедлил с ответом немного, а потом заговорил таким голосом, что у меня мурашки по спине побежали.

– Запомни, Андрей, что я тебе скажу, до конца дней своих. Я – вор в законе. Никто мне крылья не подрезал. Я своих людей выручаю, что бы это не стоило. Таков воровской закон, ты должен его теперь знать. Сиди спокойно, а когда все заварится, постарайся бежать, не вмешивайся, без тебя все сделают. – Тут я еще больше испугался и говорю – Мне не хочется, чтобы его убили. – А Кирилл говорит – И мне не хочется этого баклана убивать. Тем более сейчас. Мы постараемся сделать все чисто, если это будет возможно. Будь готов к тому, что они заранее расплатятся за ресторан, чтобы поспеть за тобой. А в ресторане они тебя не тронут.

Я вернулся к Миле и стал с ней болтать, как ни в чем не бывало. Мила то и дело напоминала мне, что пора идти, слушала рассеяно, озиралась по сторонам. Я еще попросил водки, чтобы взбодрить себя, а когда окончательно стемнело, положил на стол деньги по счету и сказал Миле – Ну, теперь пора.

Я ничуть не удивился, когда увидел, что Калмык со своими людьми тоже встает. Мы с Милой вышли из ресторана и быстро зашагали в сторону трамвайной остановки. Слева от нас был небольшой парк, отгороженный от тротуара полосой подстриженных кустов, в рост человека. Я заметил за этой полосой двоих, они шли в одну сторону с нами, не отставая. Сзади послышался топот быстрых шагов. Я обернулся и увидел, что банда Калмыка нас догоняет. Калмык был впереди. Он подбежал ко мне в тот момент, когда из-за кустов выскочил человек, рот и нос которого были прикрыты шарфом, а на голове была низко посаженная кепка. Это был Хлыст. За ним появилась другая фигура, точно так же одетая. С Калмыком были не те люди, которые присутствовали при первой драке. Они не обратили особого внимания на Хлыста. Калмык подоспел ко мне первым и ударил меня кастетом по голове. Я успел увернуться, и потому удар получился слабый, иначе он бы мне раскроил череп. Хлыст во-время подоспел и ударил Калмыка бритвой по левой щеке, для симметрии. Сцена повторилась, как в первый раз. Калмык заорал, свалился на землю от удара, я схватил Милу за руку и мы побежали к

трамвайной остановке. Я оглянулся и успел заметить, что Хлыст стоит шагах в трех от банды Калмыка, и никто к нему не решается приблизиться. А рядом с Хлыстом стоял другой, и в полусогнутой руке он держал пистолет, направленный в сторону банды. С такими, как Хлыст, им было не тягаться.

Мы с Милой заскочили в первый попавшийся трамвай. Мила теряла сознание от страха. Она задавала мне вопрос за вопросом – Что это за люди, что стали драться с Калмыком, что они ему сделали, и все прочее. Я ей ответил, что понятия не имею, это, наверное, бандиты сводят счеты друг с другом. Она сказала, что не хочет со мной сегодня расставаться и останется ночевать у меня. Мы так и сделали: провели ночь вместе, и опять у нас был праздник, омраченный, правда, этими неприятными событиями, но все равно праздник. А на следующий день, после работы, меня арестовали прямо у проходной и повезли к следователю.

Следователь был молодой парень, примерно моих лет, очень настырный. Он весь прямо кипел энергией. Он стал расспрашивать меня, кто был человек, который изуродовал Калмыка. На заявление Милы они не отреагировали, а вот тут они вдруг зачесались. Кто-то по настоящему опасный появился, да еще с пистолетом, это уже становилось интересно.

Я все пожимал плечами, говорил, что понятия не имею, как это произошло. Следователь орал на меня – Не крути мне яйца, мудака. Я тебя в тюрьме сгною. – Прав был, наверное, Кирилл – кто туда идет, в менты? Я был уверен, что он покричит, и отпустит меня. Ведь доказать было ничего невозможно. Я был очень удивлен, когда меня обыскали, забрали ремень и всякую чепуху, и посадили в КПЗ. Меня вызывали на допрос два дня подряд, а потом предъявили обвинение в укрывательстве, за что мне грозило самое большое три года. Я просто заболел от горя. Если меня посадят, решил я, то Милы мне больше не видать. Однако, пока еще не все было потеряно. Одно дело – предъявить обвинение, а другое – осудить. Может быть, судьи потребуют основательных доказательств?

Через два дня меня увезли из КПЗ в тюрьму, и надежды мои стали таять с каждым днем. Меня поместили в камеру, где было человек двадцать, целый день был там шум и гам, но я ведь знал, как с такой рванью ладить, у меня детство и юность прошли на помойке, а комфортом я никогда не был избалован. Следователь очень горячился, два раза даже не сдержался и ударил меня по лицу, но я все гнул свою линию, что не знаю никого, кто посадил шрамы Калмыку.

Так прошло месяца два, и вдруг как то утром открывается дверь камеры и выкрикивают мою фамилию. Я отозвался, и охранник мне приказывает – Возьми вещи и на выход. – Я очень обрадовался. У меня сразу мелькнула мысль, что следователь никаких улик против меня не нашел и меня сейчас отпустят. Я вмиг собрал свои пожитки. Охранник долго вел меня по коридорам, потом завел в отсек, где было очень тихо, что для тюрьмы необычно, остановился перед одной из камер, открыл дверь и скомандовал – Заходи. – Я очень удивился. Камера было маленькая, с одной койкой, похожая на ту, в которой сейчас сижу, только окно было без козырька. Меня втолкнули внутрь вонючей каменной коробки и дверь за мной закрылась. Наступила тишина и только мысли шумели в моей голове. В одиночку меня могли перевести только по одной причине – Нашлись какие-то дополнительные материалы, касающиеся ограбления и убийства. Наверное, поймали кого-то из тех, кто участвовал в подготовке всего дела, те испугались вышки и заложили Кирилла. Сейчас ниточка потянется, меня отправят на пятнадцать лет в лагерь.

– Что-ж, – подумал я, – мне уже все равно. Милы мне и так не видать. Не стала ведь бы она ждать меня даже три года, которые мне сулили за отказ от дачи показаний. Ей бы родители не позволили связать свою судьбу с тем, кто сидит в тюрьме, я, по крайней мере, так это понимал. А тут уж и подавно: уголовник, грабитель, да еще принимал участие в убийстве. Я лег на койку, обхватил голову руками, и долго так лежал. Мне не хотелось жить. Мне не нужна была жизнь без Милы. Даже если бы сейчас каким-то чудом мне отменили расстрел, я бы не обрадовался. Мне не нужна жизнь без Милы.

Так, в этой могильной тишине, прошло недели две. Наконец, меня вызвали на допрос. Меня принял уже другой следователь. Он был наполовину седой, хотя лет так сорока пяти, не больше, а лицо у него было приветливое, когда он меня встретил. Он стоял, когда я вошел, невысокий такой, худощавый, однако наверно в хорошей спортивной форме, по лицу было видно, что у него хорошее здоровье. Я вдруг обнаружил, что за время пребывания в тюрьме у меня наблюдательность обострилась. А он, этот новый следователь, предложил мне сесть, потом сел напротив и говорит – Меня зовут Анатолий Павлович. Я следователь по особо важным делам. Он помолчал, дал мне возможность это переварить, а потом продолжал. – Вам предъявляется обвинение в ограблении и убийстве. Вы ограбили семью, которая собирала деньги на новую церковь. И убили двух человек.

Я уставился на следователя и молчал. Хотя я и ожидал нечто подобное, а все равно почувствовал, что у меня ноги отнимаются от страха. – Что же вы молчите, Андрей? – он спросил. – Вас, как я погляжу, ничуть не удивляет обвинение. – Нет, не удивляет – я ему ответил. – Меня не удивило бы, если бы вы обвинили меня в убийстве папы римского. Вам ведь нужно все на кого-то свалить. Вот и выбрали меня. – Следователь улыбнулся и говорит – Насчет папы римского ты загнул, Андрей. Он еще живой. Вот, когда его убьют, тогда и будем говорить. А доказательства у нас есть прямые. Мы сверили отпечатки пальцев, которые были найдены на месте преступления, на сейфе, с теми, что взяли у тебя в тюрьме. Они совпадают. Так что тебе в церковной иерархии придется ограничиться убийством людей, собиравших деньги на церковь. До папы римского тебе не добраться, даже если ты твердо решил специализироваться на церкви.

Он был с юмором, этот следователь по особо важным делам. Он говорил спокойно, как будто никуда не торопился, и как будто ему нравится вести со мной дружескую беседу. Он немного помолчал, а потом сказал – Так расскажи, Андрей, как было дело? Как готовилось преступление? Кто твои сообщники? – Вот тут он сделал ошибку. Я понял, что ничего у них, кроме совпадения отпечатков моих пальцев, нет. Я улыбнулся ему и отвернулся в окно. Я стал смотреть на часового на вышке: хоть и скучно ему весь день стоять там одному, а все веселее, чем мне. А следователь продолжал увещевать – Ты ведь понимаешь, что если ты не расскажешь, кто твои сообщники, тебе грозит расстрел. А тебе ведь еще двадцать пять. Хочешь, чтобы твоя жизнь так рано оборвалась? – Я ему ответил – А мне плевать. Можете обвинять меня в чем хотите. Если вы считаете, что это я убил, значит, туда мне и дорога. – Следователь встал и зашагал по кабинету, не спеша, как я шагал по камере. Потом остановился передо мной и говорит – Уж не считаешь ли ты меня за дурака? Думаешь, меня просто так назначили следователем по особо важным делам? Я отлично понимаю, что не ты совершил убийство. Не мог ты это сделать. Нам все известно о тебе. Трудно даже поверить, что ты мог пойти даже на мелкое преступление. Я еще могу допустить, что ты мог согласиться вскрыть сейф. Любовь тут, деньги текут как вода. Из-за любви многие теряют головы и идут на преступление, чтобы добыть денег. Сколько я таких видел в своей практике! Но вот, чтобы ты пошел сознательно на убийство – в это я никогда не поверю. И не пытайся меня в этом убедить. Это делал кто-то другой. Кто же? – А я все молчал. Тут он спрашивает – Кто это полоснул Калмыка бритвой?

– Я ему ответил – Откуда мне знать? Бандюги дерутся, что тут удивительного? Я то тут причем?

А следователь стоит на своем – Причем, причем. При всем этом. Вот, такой, что полоснул Калмыка, и мог убить. Ты его знаешь. Мы все про эти дела твои с Калмыком знаем. И заявление от Милы есть на Калмыка, что он к ней пристает и тебе угрожает, и тот факт, что первый шрам Калмык получил около твоего дома, когда они дожидались тебя. А второй шрам он получил, когда вы столкнулись с ним возле ресторана. Не слишком ли много совпадений? – Мы помолчали немного, и я ему сказал – Вот, вы все время задаете мне вопросы. Можно я вам задам несколько вопросов? Вы мне ответите? – Следователь сказал – Задавай.

– Нет, – говорю я ему, – я не задам, пока вы мне не пообещаете, что ответите на мои вопросы. Если нет, то видите обратно в камеру. Я не буду с вами разговаривать. – Он очень удивился моей наглости и говорит – Спрашивай. Я не знаю, смогу ли ответить на твои вопросы. Но если смогу – отвечу.

– Скажите, – спросил я, – вы посадили Калмыка в тюрьму?

– За что? – удивился следователь.

– За то, что мне угрожал. За то, что к Миле приставал.

– Это еще не основание для ареста, – сказал следователь. – Он не совершил никакого преступления. С ним серьезно поговорили, и он обещал прекратить. Вот, напиши на него заявление, мы расследуем, и примем меры.

– А как я буду знать, какие меры вы примете? – я спросил. – Кто мне и как сообщит?

– Ты не уклоняйся от главного, – сказал следователь. Я чувствовал, что в нем закипает раздражение. Он не ожидал, что человек, которому грозит расстрел, может себя так спокойно держать.

– Мы сделаем, что посчитаем нужным. Хочешь, напиши на Калмыка жалобу, мы разберемся. А сейчас я жду от тебя признания и показаний. Я хочу сохранить тебе жизнь. Зачем тебе отвечать за преступление, которое ты не совершал? – Я уставился в окно и смотрел, как часовой мается на вышке. Следователь снова сел напротив меня и терпеливо ждал. Я отвел взгляд от часового, посмотрел на следователя и сказал – Вот вы, Анатолий Павлович, сказали, что дурака на такой пост, как следователь по особо важным делам, не поставят. Я вижу, что это так и есть. Но почему же вы считаете, что все, кроме вас, дураки? Почему я, по вашему, не имею права иметь мозги? Ведь это дается от рождения, а не по справке милиции. – Тут следователь преобразился. Он вскочил, лицо его стало такое злое, он заорал на меня, сказал, что таких умников он видал, что они или в лагерях, или в земле гниют. Я выслушал все это, а потом, когда он замолчал, я ему сказал – Вам не следует так волноваться, Анатолий Павлович. У меня был начальник, который, вот так как вы, волновался на работе. У него был разрыв сердца, и он умер. Сейчас он в земле гниет. Кому от этого хорошо?

Тут следователь снова заорал, потом вскочил и сказал – Посиди в одиночке, и подумай. Может, поумнеешь. Надумаешь, – сообщи. А не надумаешь, – готовься к расстрелу, если мозгов нет. Милиция, как ты говоришь, справки на мозги не выдает. – Он вышел, через минуту в комнату зашел охранник и увел меня в камеру.

Тюрьма, батюшка – это пытка временем. Все здесь можно перенести, а уж такому, как я, которого жизнь не баловала – ничего не стоит. У меня никогда не было хороших условий, мне это хоть бы что. Нет хорошей еды, мягкой постели, или еще чего там? Плевать. Грубость кругом? Я на ней вырос. А вот время, когда ничего не делаешь, это пытка. Я, чтобы занять себя, стал вспоминать всякие мелочи из своей жизни, или придумывать пути, как выбраться отсюда. Я также думал: мог ли бы я избежать всего этого? Получалось, что не мог, не видел я другого выбора. Стало быть, это моя судьба. А если бы я раскололся, люди Кирилла меня нашли бы под землей. Да и не хотел я жить без Милы, зачем мне это? Я стал придумывать какие-то сумасшедшие планы, я и не предполагал, что кое-что может впоследствии осуществиться.

Я начал понимать, что думает и делает следователь. Он, конечно, уже навел обо мне справки на работе и там ему сказали обо мне только хорошее. Я ведь работал в лаборатории и делал очень сложные детали или ремонтные работы. Никто не мог делать того, что делал я. Я не пил, не водился с уголовниками, учился вечерами, как же такой может ограбить или убить? Следователь все обо мне знает. Он отлично понимает, что убийца – не я, кто-то другой. Ведь как-никак это был следователь по особо важным делам, что-то он ведь должен понимать. Для него так же ясно, что организовать такой грабеж – это дело большой группы, гораздо больше той, которая совершила. Слишком много нужно было узнать и подготовить. Должно было быть подключено много людей, чтобы проследить, подготовить все и после замести следы. Что толку

ментам свалить все на меня и расстрелять? Основные заправилы все равно будут на свободе и продолжать свои дела. Следователь догадался, что тот, который дважды ранил Калмыка опасной бритвой, и был убийцей. Именно такой мог убить, а не я. Следователь, очевидно, был уверен, что ключ к разгадке где-то близко, он лежит у меня, других источников пока нет, и если они не появятся, эти сведения можно будет получить только от меня, а если нет, то придется упустить всю страшную банду. Если же меня пустить в расход, как козла отпущения, то дела этой банды могут всплыть когда-нибудь, может быть даже раскроют и это преступление, и тогда тем, кто все свалил на меня, не поздоровится.

Они то думали, что у меня не выдержат нервы и я попрошусь на допрос рассказать все. А я знал, что смерти мне не миновать в конце концов, и потому никуда не торопился. Через несколько месяцев меня снова вызвали на допрос, а там я понял, что ничего у следствия нет. Мне опять грозили расстрелом, или что забьют до смерти, или обещали, если расколуюсь, дадут небольшой срок, а потом устроят где-нибудь на работу, где меня никогда не найдут мои сообщники. Много чего обещали.

Как то раз, примерно в одиннадцать часов утра, я услышал лязг замков. Я подумал, что меня поведут на очередной допрос. Как же я удивился, когда увидел, что меня привели в комнату свиданий! Там сидела Мила. Она вся засветилась радостью, когда увидела меня. Нас усадили на противоположных сторонах большого стола, между нами сел мент. Я сразу сообразил, почему они устроили мне такой приятный сюрприз. Они надеялись, что Мила на меня повлияет и я начну колотиться. Мы сначала говорили о разных мелочах, но она очень скоро стала грустной, вдруг поникла вся, я заметил, что она много плакала до нашей встречи, веки были красные, но не было слез. А потом она заговорила на ту тему, к которой ее подготовили.

– Я не могу поверить, – сказала она, – что ты мог совершить преступление. И подавно не могу поверить, что ты мог кого-нибудь убить, в особенности из-за денег. Признайся во всем, Андриюша. Я тебя буду ждать, сколько надо.

Что я ей мог на это ответить? Что мне все-равно не жить? Что я не хочу, чтобы она меня столько ждала, если бы даже это было возможно? Что лучше ей забыть меня и устраивать свою жизнь? Я все кивал головой, смотрел в ее печальные глаза, а потом подпер подбородок двумя руками и едва заметно провел двумя указательными пальцами вдоль щек. Она поняла мой вопрос – Пристает ли к ней по прежнему Калмык, у которого теперь два шрама. – Она едва заметно утвердительно кивнула и сказала – Совсем житья не стало.

Я больше не мог находиться в комнате свиданий. Я встал и сказал менту, сидевшему между нами – Уведите меня в камеру. – Мила опустила голову, она выглядела беспомощной и несчастной, наверное плакала, когда я ушел. Такой я ее видел последний раз в своей жизни.

Прошло несколько дней после этого тяжелого свидания. Я попросил передать следователю, что мне нужно сообщить ему что-то важное. Через несколько часов меня повели на допрос, и это был хороший признак. Следствие, как я понимал, не могло сдвинуться с мертвой точки. Очевидно, не было никаких дополнительных улик, а время шло, уже больше года длилось это следствие.

Следователь принял меня с серьезной и торжественной миной на лице, предвкушая полный успех. Он гостеприимно усадил меня на жесткий стул, сел напротив и торжественно заговорил.

– Ты сделал правильное решение, – сказал он. – Честно все расскажешь, – легче на душе будет. Чистосердечное признание, к тому же, значительно смягчит тебе наказание... – Я тут его перебил довольно грубо, мне не нужно было искать сочувствия и доброты у него. Какая может быть доброта у следователя? В той игре, которую я задумал, у меня не было друзей и помощников. У меня были только враги. Все, что я мог противопоставить им, это мою злобу, и может быть, мои мозги. Я уже упоминал, что я привык делать любое дело обстоятельно и

хорошо. У меня было достаточно времени, чтобы продумать все мельчайшие детали моего последнего дела на земле.

Я ему сказал – До признания еще далеко. Вы сначала сделайте мне услугу, о которой я сейчас попрошу, а потом я вам чистосердечно во всем признаюсь. – Следователь очень удивился и гневно посмотрел на меня. Он снова заговорил о том, как чистосердечное признание смягчит мою вину и спасет мне жизнь, но я его опять перебил.

– Вот вы говорили, – напомнил я ему, – что дурака не поставят на должность следователя по особо важным делам. Зачем же вы мне говорите такую чушь? Если вы намерены разыгрывать дурака из себя и меня, то лучше уж я пойду обратно в камеру. Мне нечего вам сказать.

Тут следователь откинулся на спинку стула и уставился на меня, ни слова не говоря. Когда он наконец убедился, что мне плевать на его грозный взгляд, он сказал тихо – Что это за услугу ты просишь?

– Очень все просто, – сказал я. – Отпустите меня на полдня из тюрьмы. Я вернусь и все, что знаю, расскажу.

Следователь окаменел от изумления. Он выпучил глаза на меня, не в силах поверить своим ушам, а потом вскочил, заорал, опять грозился, что мне дадут расстрел, и вдруг, как будто какой-то выключатель у него внутри сработал. Он внезапно смолк, снова сел напротив и заговорил спокойно.

– Это же безумная идея. Никто на это не пойдет. Да и зачем это тебе? На полдня! Что ты хочешь сделать? – Я ему ответил – Я хочу увидеться с Милой. И еще кое-чего мне нужно сделать. Это все личное. Если вы намерены меня уговаривать, или предлагать устроить с Милой свидание в тюрьме, то это напрасная трата времени для вас. Хотите – соглашайтесь, а страшать меня бесполезно. Я думал, вы это давно поняли, а вы все на что-то надеетесь. Неужели вы не видите, что мне все равно? – Он помолчал немного а потом медленно проговорил – Ты представляешь, в какое положение ты можешь меня поставить, если я соглашусь? Вдруг тебя кто-нибудь увидит и узнает? – Я ничего не ответил, а он молча смотрел на меня, недоверчиво и с ненавистью. Я с интересом наблюдал за ним. Когда подолгу не видишь людей, приобретаешь способность читать их мысли, даже у таких, как следователь. Я понял, что он что-то продумывает, и почувствовал теплый прилив в груди. Мне это и нужно было. Если бы следователь был круглый дурак, он сразу же бы отбросил эту мысль. Но тогда надежда бы у него оставалась только на то, что меня можно будет запугать и расколоть. Этот же понимал, что все пути исчерпаны, и если отбросить мое предложение, то с делом пора кончать, а это – полный провал. Я про себя ему кричал – «Думай, думай!» Следователь поднялся и сказал: «Ты сумасшедший. Отправляйся в камеру и подумай о своей судьбе.» – Но я услышал в его ответе другое. – «Мы подумаем. Может, что-нибудь из этого выйдет».

– Я подумаю, – согласился я. – И вы подумайте. Что может произойти самое худшее? Что я сбегу? Объявите всесоюзный розыск и меня живо поймают. Замету следы? У вас и без того ничего нет. А если надумаете, так отпустите меня в субботу утром. Только так я смогу наверняка увидеть Милу. – Следователь ничего не ответил, вышел из кабинета и вскоре охранник увел меня обратно в камеру.

Когда дверь за мной закрылась, я лег на кровать, закрыл глаза и стал прокручивать все возможные варианты, которые могли прийти в голову следователю. Что, по его представлению, можно было ожидать от такого как я? Предположить, что я совершу еще какое-либо преступление, было нелепо. Деньги мне, в моем положении, были не нужны. Предположить, что я сбегу? Тоже маловероятно. Наверняка за мной будет слежка, и пошлют на это дело самых опытных людей. Даже если я оторвусь от них, то далеко не убегу. Попытаюсь замести следы? Так я их скорее наведу на след, чем запутаю. Кто-нибудь меня увидит? С этим они легко справятся. Никто по этому поводу поднять шум не сможет. Все сводилось к тому, что риск невелик,

почти никакой, а возможная награда – раскрытое тяжкое преступление, пойманная серьезная банда, найденные деньги, или то, что от них осталось.

Через несколько дней меня привели в кабинет, где сидел человек в штатском. Он представился – Я – начальник тюрьмы. Мы выпустим тебя на пол дня, как ты просил, в ближайшую субботу. Я вывезу тебя из тюрьмы, дам тебе мой телефон. Когда будешь возвращаться – позвони из телефонной будки от продуктового магазина, что в трех кварталах от тюрьмы. Я тебе покажу, где что, на карте. И не вздумай шутить! Если попытаешься сбежать, тебя пристрелят при попытке к бегству. Понял?

Я кивнул. Конечно же, я все понял. У меня сердце колотилось, как будто я пробежал десять километров. Сейчас мой план во многом зависел от удачи.

И вот, ранним утром бабьего лета, я переоделся в ту одежду, в которой меня арестовали, одел чью-то старую кепку со склада, чтобы прикрыть стриженную голову, и в сопровождении начальника выехал на гражданской машине из тюрьмы. Меня высадили возле трамвайной остановки, я стоял там один, дожидаясь трамвая, и не верил, что все это происходит наяву. Трамвай подошел, я запрыгнул внутрь, проехал несколько остановок, вышел, чтобы купить сигарет на те деньги, которые мне возвратили. Я обнаружил, что только двое за мной следят. Им помогает машина, которая может их подвести быстро туда, куда надо. Я купил себе хорошие сигареты, после чего денег почти не осталось, разве что заплатить несколько раз за трамвай.

С этого момента я стал очень собран и внимателен. Времени любоваться красивой осенью и свободой у меня не было. Я подъехал на трамвае как можно ближе к частным домам, за которыми жил Стриж. Недалеко от проходного двора я оглянулся. За мной не было никого. В этот ранний час на улицах почти не было людей; я бы быстро обнаружил тех, что за мной следят. Но на меня послали лучших людей, они умели прятаться и быть невидимыми. Они, конечно, хорошо подготовились, но и я тоже хорошо подготовился. Я резко нырнул в ворота одного из проходных дворов, пробежал по очень хорошо знакомому лабиринту, бегом пересек пустырь и забежал в подъезд.

– Они не успели, – решил я. – «До скорой встречи», – я им мысленно сказал, забежал на второй этаж и позвонил долгим звонком, чтобы Стриж, если он дома, понял, что что-то важное произошло. Мне повезло и на этот раз. Стриж поспешно открыл дверь. Он был сонный, в пижаме, еще, видать, спал. Увидев меня он вздрогнул, испугался так, что не смог даже сдвинуться с места, он глазам своим не верил. Я оттолкнул его, зашел в квартиру и запер дверь. Он на меня зашипел – Ты что, с ума сошел? Ты из тюрьмы что-ли бежал? Ты нас всех, падла, под монастырь подведешь!

Стриж сейчас не был такой, каким я его видел прежде. Он выглядел как очень перепуганный бандюга. Но и я уже был не тот. Я ему говорю – Ты лучше делай то, что я тебе скажу. Это единственное, что тебя может спасти. Не будешь делать – я тебя здесь прикончу. И не вздумай испытать судьбу. Я когда шел сюда, ко всему готовился, и все продумал. А ты – нет. Так что не перечь, если жить хочешь. – Он понял, что выхода нет, и спрашивает – Чего тебе надо? – Я ему говорю – Надень на меня тот же масхалат, что и тогда, или что-то похожее. Дай какой-нибудь костюм, сумку какую-нибудь, и немного денег, рублей пять, на всякий случай. Поторопись. Дай мне конверт с маркой, и лист бумаги.

И Стриж поторопился. Я сложил свое тряпье в сумку, надел костюм, а потом увидел, что ботинки не сменил, да не стал с этим возиться. Я написал короткую записку Миле, и пошел на кухню. Стриж так разволновался, что забежал в уборную, а я в это время выдвинул ящик, взял большой столовый нож, который показался мне надежным, засунул его за пояс, взял какую-то кухонную тряпку и подождал, пока Стриж выйдет из уборной. Когда он вышел, я ему сказал – Ты учти, Стриж, что я не расколуюсь, что бы не было. Не дай себя поймать на понт, в случае чего. Понял? Если вас когданибудь поймают, то не из-за меня. – Я подошел к двери и прислушался. Сверху слышались голоса, несколько человек спускались вниз, это мне и

нужно было. Как только они прошли наш этаж, я тихо вышел, догнал их внизу и пошел вместе с ними. Это были три мужика, лет под сорок, они считали деньги, чтобы купить бутылку водки. Я их спросил – А где, мужики, поблизости можно пива купить? – Мы вышли на улицу, как будто одна группа знакомых людей. Через двор суетливо пробежали двое, явно это были менты которые меня потеряли, но на нас они почти не обратили внимание, ведь тот, кого они искали не походил ни на одного из этой группы. Мужики, конечно, стали охотно мне объяснять, где можно пиво купить, приглашали с ними выпить, но как только мы скрылись от ментов, я от них отбоярился и ушел. У почтамта я бросил конверт в почтовый ящик и направился к дому, где жил Калмык. Как хорошо у меня стало на душе! Я шел, как свободный человек, как будто иду совсем в другом мире, как человек-невидимка, я читал такую книгу в детстве. Я даже увидел двоих людей с завода, но они меня не узнали. Сейчас все зависело от удачи. Я подошел к дому Калмыка, когда было около одиннадцати часов. Я стал бродить вокруг, стараясь не привлекать к себе внимания, и в то же время не выпускал из вида его подъезд. Я знал, что рано или поздно он выйдет и пойдет покупать водку, чтобы опохмелиться. И он вышел. Он был не один: как обычно, его сопровождали двое, он, наверное, пил с ними вчера. У них было хорошее настроение. Я шел за ними, надеясь найти момент, когда эти двое не будут очень близко от него. Они зашли в магазин, а я стал бродить поблизости. Я решил пришить его, когда он выйдет из магазина, а там – мне все равно, что со мной будет. Я остановился возле нищего, чтобы время скоротать, я чувствовал, что сейчас он выйдет. Я дал нищему пять рублей – зачем они были мне? Попросил за меня помолиться. В магазине были большие стекла, ну, витрина, и я увидел, что Калмык идет к выходу с двумя бутылками водки. Я хотел, чтобы он перед смертью меня увидел. Чтобы знал в последнюю минуту, кто его послал на небеса. Чтобы знал, что не все ему сходит с рук. Мне еще раз повезло: те двое задержались зачем-то в магазине. Когда Калмык вышел, я снял парики и подошел к нему. Он вытаращил на меня глаза, как сумасшедший. Он, наверное, подумал, что ему с похмелюги это мерещится. Ведь он же знал, что я в тюрьме, не мог же я появиться перед ним в субботу, когда он покупает водку, чтобы опохмелиться? – А я ему говорю – Узнал меня? Это я, Калмык, это тебе не мерещиться. Получай, что тебе положено. – Тут он дернулся, я думаю, что он так и не понял, что это я, да инстинкт какой-то сработал, но я не для того пришел сюда, чтобы дать ему уйти. Рукоятка ножа была замотана в тряпку, я вытащил его из-за ремня и всадил ему, как меня Хлыст учил. Я сразу понял, что попал. Так кричит только тот, кому больше не жить. Я ему всадил потом нож в грудь и там и оставил – не брать же его с собой. Тряпку же я взял, ее нужно было потом выбросить. За мной никто не пошел, а когда я завернул за угол, то быстро одел парик и приклеил усы и бороду. Дружки Калмыка пробежали мимо, на меня внимания не обратили. Город я знал хорошо: я пришел к большой помойке, переоделся за ней в свое тряпье, сложил костюм, парики и тряпку в сумку и бросил все в помойку. Теперь можно было идти в тюрьму. Я подъехал на трамвае как можно ближе к тюрьме и позвонил. А там уже били копытами: меня потеряли, а это дело не шуточное, потерять того, кому грозит вышка.

Меня били после этого крепко. Я им пригрозил, что все расскажу на суде: как они меня из тюрьмы выпустили, как я Калмыка убил, как меня бьют. И мой следователь по особо опасным делам заспешил. Дело по убийству Калмыка, которое против меня возбудили, вскоре прекратили за неимением доказательств и еще потому, что у меня было неоспоримое алиби: я сидел в это время в тюрьме. Мне предъявили обвинение в убийстве двоих людей, вооруженном ограблении и массе отягчающих обстоятельств, в особенности отказ помогать в расследовании. Я многое рассказал, взяв вину на себя: рассказал, как я бросил старуху в кресло, как она умерла от страха, как я убил хозяина дома, завернув кусок лома в тряпку. На многие вопросы я отказался отвечать. Суд был при закрытых дверях. Мне, конечно, дали вышку. Ну, вот и все про меня, не хочу больше ничего рассказывать. Я очень устал. Есть у меня к вам одна маленькая просьба, батюшка. Можно вас попросить? Так, пустяк.

– Попроси, – сказал я. – Я постараюсь сделать все, что в моих силах.

– Позвоните Миле, после того, как меня расстреляют. Скажите, что я попросил ее передать вам кое-что. Вам это может быть интересно.

Я согласился, и он дал мне ее телефон. Вдруг он спросил – Вы верите, батюшка, что есть другой мир?

– Верю, – сказал я.

– Может такое быть, что я с Милой встречу там где-нибудь? – снова спросил он. Я отвернулся и сказал – Не знаю.

Андрей лег на кровать, вытянулся и закрыл глаза. Он и в самом деле сильно устал. Я постучал в дверь и охранник выпустил меня.

* * *

Я покинул тюрьму с камнем на сердце. Я дал слово не разглашать ничего из того, что он мне сказал, хоть исповедью это и не назовешь. Но тогда я молчаливо посылал его на смерть. Не он же убил тех, кто собирал деньги на церковь! Но у меня не было другого выбора. Я сдержал слово, и когда прочел в газете об исполнении приговора, позвонил Миле на работу и сказал, что беседовал с Андреем в камере, когда он был еще жив. Я ей также сообщил, что Андрей попросил ее кое-что мне передать. – Не смогли бы вы прийти к нам в церковь? – спросил я ее. Она согласилась, пришла в воскресенье, очень печальная, а на голове – траурный платок. Она передала мне небольшой тугой сверток бумаги.

– Что там? – спросил я ее. Она пожала плечами и тихо сказала – Андрей как то раз передал мне этот пакет, и попросил спрятать надежно. Потом я вдруг получаю от него письмо, когда он был в тюрьме, чтобы я этот пакет отдала тому, кто от его имени этот пакет попросит. Вот, я и отдаю, уж вам то я доверяю.

– Если у вас когда-нибудь родится ребенок, – сказал я ей, – принесите его ко мне на крестины. Я вас очень прошу. – Она согласилась. А когда она ушла, я разорвал пакет. Там были деньги. Я их пересчитал – почти восемь тысяч, всего около сотни не хватило. Что было делать? Нести в милицию? Чтобы потом потянулась цепь расспросов, новое следствие, где церковь замешана? И я оставил эти деньги для церкви. Ведь это так Андрей распорядился, и я должен был выполнить его последнюю просьбу. Это были деньги наших прихожан, в церкви они и остались.

Я часто спрашивал себя: что было сделать правильнее? Сдержат слово, как сделал я? И послать человека, невиновного в убийстве во время ограбления, на смерть, и оставить подлинных убийц на свободе? Или нарушить слово и все устои морали, и рассказать следствию правду? Тяжелая это ноша – послать человека на смерть, когда спасти его было так просто.

* * *

На этом рукопись заканчивалась. Я отложил ее в сторону, но уснуть не мог. Какие-то странные мысли одолевали меня, а когда я открывал глаза, мне казалось, что усталые тени ползут по полу, стенам и потолку. А когда рассвет стал могучим дыханием выдувать сумерки ночи, я увидел, как Арсений Тимофеевич бесшумно прошел на кухню, стараясь никого не будить, и стал там возиться, не зажигая света. Я пришел к нему и сел на стул.

– Не спится? – с улыбкой спросил меня Арсений Тимофеевич.

– Нет, не спится. Прочел я рукопись.

– Ну, и как?

– Очень интересно.

– Хотите кофе? – спросил он меня. – У меня очень хороший, из Германии. Люблю поутру взбодриться. Я сейчас встаю рано, с годами сна требуется меньше, а может тело чувствует, что меньше времени остается видеть мир Божий и дорожит каждой секундой.

– С удовольствием выпью чашку – согласился я. – А вы не в курсе дела, что стало с Милой?

– О, с Милой – отозвался Арсений Тимофеевич. – Она, по его словам, пришла крестить ребенка через два года после этого посещения. Батюшка пригласил ее и, не вдаваясь в подробности, сказал, что Андрей не был убийцей двух членов семьи, которые собирали деньги на церковь. С тех пор она ставила Андрею свечку в церкви каждый год, в то самое число, когда она говорила с батюшкой в первый раз. Андрей для нее умер в этот день. А как то раз она пришла, поставила свечку, подходит к батюшке, и говорит – Я очень больна. Это, наверное, последний раз, что я к вам прихожу. – И в самом деле, она больше не приходила. А батюшка вскоре отошел от церковных дел, он умер несколько лет спустя. Все жаловался что тяжело ему на сердце. – Арсений Тимофеевич вздохнул, отхлебнул кофе, и задумчиво сказал – Суета сует. Все суета. Да. Все суета.

Рива

Яркое утреннее солнце назойливо пробивалось в проем между неплотно сдвинутыми жалюзи. Начинался новый израильский день, который, конечно, будет такой же, как вчера, с толчеей на улицах, безоблачным голубым небом, и массой будничных забот. Таких дней, похожих один на другой как две капли воды, здесь много, по крайней мере восемь месяцев в году.

Рива, несмотря на ранний час, уже не спала. Последнее время она встречала каждый новый день с трепетом и волнением, в ожидании каких-то необыкновенных, значительных событий. Она осторожно повернула голову вправо и внимательно посмотрела на спящего мужа. На его круглом, полном лице застыло безмятежное спокойствие человека, у которого есть все: здоровье, семья, любимая жена и безмятежное будущее. Его полные губы, расслабленные глубоким сном, слегка оттопырились и обвисли, придавая лицу выражение бездумного, ленивого сладострастия. Рива слегка вздрогнула от неприятного чувства вины, осторожно и бесшумно встала с постели, взяла лифчик, очки и халат и, не издав ни единого шороха, выскользнула из спальни. Она остановилась в передней у большого зеркала, надела очки и внимательно себя осмотрела. Ее черные густые волосы по прежнему блестели, как в двадцать лет, а на продолговатом, белоснежном лице, которое она тщательно прятала от палящего солнца, почти не появилось морщин, ну, разве что, при улыбке в уголках глаз, но улыбка у нее была такая, что ей заразились все мужчины вокруг нее, она это знала. В ее зеленых больших глазах, которые гораздо больше подошли бы бездумной актриске, вспыхивали искорки пытливого ума образованной женщины. Фигурой своей она тоже осталась довольна: только бедра чуть-чуть пополнели за последние полгода, а линия талии почти не изменилась, что совсем неплохо для женщины тридцати трех лет, да еще рожавшей.

Придя на кухню, она первым делом упаковала свою большую, все еще упругую грудь в кружевные, обширные колпаки – так было сподручнее при домашних работах. Потом набросила халат и подняла было руки, чтобы раздвинуть жалюзи, как вдруг услышала легкий шум за спиной. Это был Эйтан, ее муж, который, как ни странно, проснулся несмотря на все ее предосторожности. Он обнял ее сзади, небрежным движением сдвинул лифчик вверх и нежно и твердо подхватил упавшие вниз обнаженные груди в свои теплые от сна ладони.

– Доброе утро, мамка, – тихо и ласково произнес он. Эйтан часто стал называть ее «мамкой» после того, как она родила ему сына восемь лет назад. Рива опустила руки и, не решаясь пошевелиться, уставилась в окно. Для Эйтана ее грудь была самой большой забавой и годы совместной жизни, как видно, не притупили его чувств. Но на сей раз не смогла она ответить ему обычной нежностью и снисходительной уступчивостью.

– Когда ты идешь в милуим¹? – спросила Рива.

– Послезавтра.

– Прямо перед выходными? И где это?

– Ничего не поделаешь. Эта база находится недалеко от Хайфы. Да все здесь недалеко.

– Будь осторожен, – посоветовала Рива. – Вот, по радио говорят, что участились попытки террористов проникнуть из Ливана.

Эйтан по прежнему не выпускал ее из своих объятий, играя, как на пианино, своими толстыми пальцами на ее грудях.

– Мы живем уже здесь восемь лет, а ты все еще не можешь привыкнуть к местному образу жизни, – с легким, нежным упреком сказал Эйтан. – Как можно быть осторожным? Что для этого нужно делать?

¹ Обязательная военная служба для всех боеспособных мужчин.

– Мы живем с тобой уже десять лет, а ты все еще не можешь привыкнуть ко мне, – сказала Рива, делая слабую попытку высвободиться из его объятий. Ей не хотелось обижать мужа. В самом деле, не легко это, обидеть человека, который любит тебя.

– Ты стала прохладнее ко мне последнее время, – пробормотал Эйтан, выпуская ее из своих объятий.

– Ты ведь будешь стоять на посту в армии, – уклонилась Рива от темы, торопливо натягивая лифчик. – Да и по дороге, будь осмотрителен на автобусных остановках, и в автобусе. Не дай Бог, никогда не знаешь... Кстати, как там ночью, на посту? Холодно?

– В это время года ночи холодные, – кивнул Эйтан. – В особенности, когда дует ветер с моря, холод пронизывает насквозь. Трудно даже поверить, что в Израиле может быть такая холодина.

– Я куплю тебе сегодня теплое нижнее белье по дороге с работы, – пообещала Рива. Она ожидала, что муж сейчас закончит разговор и пойдет приводить себя в порядок, но он уселся за стол, как для долгого разговора, и подпер щеку большим, пухлым кулаком. У Ривы все внутри напряглось, как перед прыжком в воду с вышки. «Неужели он что-то знает?» – в ужасе подумала она.

– Вчера Зина звонила, – сказал Эйтан.

– Да? – спросила Рива с радостью и облегчением. – Когда?

– Поздно вечером. Я не успел тебе сказать вчера... Он не договорил фразу.

– Я задержалась на работе, – перебила его Рива, оправдываясь. – Сейчас у меня сумасшедшие дни, ты же знаешь.

– Знаю, знаю, – успокоил ее Эйтан. – Я не о том. Зина напросилась в гости.

Рива прекратила готовить завтрак и, повернув голову, внимательно посмотрела мужу в глаза.

– Когда она придет?

– Сегодня. Обещала быть к восьми. Надеюсь, ты вернешься к этому времени.

– Как некстати она сегодня, – поморщилась Рива, возвращаясь к приготовлению завтрака. На ее лихо очерченных губах появилась насмешливая и капризная гримаса. – Ты не смог от нее отделаться?

– Она стала жаловаться, что уже месяц не была у нас, что она очень одинока, все ее бросили, а последний любовник смог вынести ее только неделю и сбежал, не оставив своего адреса и телефона.

Эйтан улыбнулся, презрительно и весело. Воспоминание о Зине всегда вызывало у него улыбку.

– Хорошо, – кивнула Рива. – Тебе придется потерпеть ее заигрывания и кокетство.

– Это твоя подруга, – заметил Эйтан.

– Не сваливай все на меня, – с легким, дружелюбным смешком возразила Рива. – Она – друг семьи. Из тех друзей, которые не нужны ни одному члену семьи. – Рива вздохнула.

– Ничего не поделаешь, – обреченно сказала она. – Последи за омлетом, Эйтан. Я пошла будить Арошу.

Рива пришла на работу позднее обычного, когда все работники отдела уже расселись по местам и женщины принялись заканчивать то, что не успели после сна: доедать бутерброд, докрашивать лицо или рыться в сумочке в поисках какого-либо пустяка. У всех были серьезные лица.

У Ривы не нашлось на это время. Пришли двое, большое начальство, и уселись напротив, как давние друзья. Один из них, седой, но очень молодой, бывший полковник десантных войск, а теперь начальник из управления, начал очень въедливо расспрашивать о мельчайших деталях тех двух проектов, за которые она была ответственна. Как видно, этот бывший военный был не дурак: он хорошо понимал вопрос. Второй был начальник отдела.

В какой-то момент Рива отвлеклась и бросила взгляд в пространство за ними. А там, за огромным, почти в пол стены, окном открывался экзотический, как картина в рамке, вид на Герцлию. Пальмы, кипарисы и голубое море застыли, словно в полусне, под слепящим южным солнцем. Возле окна, в дополнение к оформлению картины, сидел белокурый молодой человек лет двадцати двух-двадцати трех и, делая вид что роется в бумагах, украдкой поглядывал на нее. Молодой человек вдруг поднял голову и, встретившись с ней взглядом, беззаботно, нагло и весело улыбнулся.

– Почему ты молчишь, Рива? – спросил ее начальник отдела.

– Извините, я не поняла вопрос.

Рива чуть вздрогнула, метнула возмущенный взгляд на улыбающегося парня и, сделав деловое, серьезное лицо, уставилась на начальство.

– Вопрос простой, – продолжал начальник отдела, недоуменно подняв брови. Он привык к тому, что Рива отвечает быстро и четко, помнит все, до мелочей, и достает мгновенно из глубин памяти то, что необходимо. Сегодня она была рассеянна и отвечала невпопад.

– Есть у тебя достаточно данных, чтобы более убедительно обосновать твои предложения? Затраты, правда, небольшие, всего около пятисот тысяч долларов, но я не могу сам их подписать.

Рива уже привыкла к тому, что в Израиле все на «ты». Как ей объяснили по приезде в страну, евреи с самим Богом разговаривают на «ты», так что друг с другом и тем более. Можно, правда, добавить «госпожа» или «господин», но это не часто употребляется.

– Дима, – позвала Рива белокурого парня, скосив в сторону заблестевшие, чудесной формы темно-зеленые глаза. – Принеси обоснование, и первоначальную статистику о ремонтах и запасных частях. И об упаковке тоже. – Дима засуетился, выбирая листки из вороха на столе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.